

ПРОЩАНІЕ Н. ИВ. ПИРОГОВА

СЪ УЧЕБНЫМЪ СОСЛОВІЕМЪ И ГОРОДОМЪ КІЕВОМЪ.

Пять лѣтъ тому назадъ, знаменитый во всей Европѣ, ученый хирургъ Н. Ив. Пироговъ, явился дѣятелемъ въ другой сферѣ, въ сферѣ учебно-административной и успѣлъ пріобрѣсти общую извѣстность и на этомъ поприщѣ. Славный дѣятель на себѣ-самомъ доказалъ справедливость положенія, высказаннаго имъ, съ такою убѣдительною, въ «Вопросахъ Жизни»: *образовательную* силу общества и *главную* задачу воспитанія—составляетъ не специалистъ, а *человѣкъ*.

Нельзя сказать, чтобы у насъ не было людей благонамѣренныхъ, образованныхъ и честныхъ; но въ людяхъ, истинно-полезныхъ для практической жизни, для общественной дѣятельности, общество наше ощущаетъ крайнюю бѣдность. Гдѣ тѣ практики, которые бы въ своей дѣятельности соображались съ желаніями и потребностями общества, которые бы твердо рѣшились проводить въ жизнь то, что дознано наукой, опытомъ и исповѣдывается въ теоріи иногда ими-самими? которые способны были бы вызывать общество въ самодѣятельности? Наши практическіе дѣятели, съ своею *служебною* опытностью и воспитаніемъ, по большей части не имѣютъ ни твердыхъ убѣждений, ни опредѣленныхъ цѣлей, кромѣ, конечно, цѣлей частныхъ; это—рутинисты, невѣрующіе ни въ природу челоѣка, ни въ самихъ—себя, ни въ возможность улучшеній. Неудивительно, поэтому, если общество не обнаруживаетъ никакого сочувствія къ ихъ дѣятельности.

Дѣятельность Н. Ив. Пирогова, какъ попечителя Кіевск. Учебн. Округа, не подходитъ подъ общій, обыкновенный, уровень. Она останется навсегда плодотворнымъ преданіемъ въ памяти людей, среди которыхъ онъ дѣйствовалъ, и послужитъ поучительнымъ примѣромъ для другихъ. Особенно — замѣчательна вѣрность принятымъ

началамъ и послѣдовательность дѣятеля, желаніе его быть дѣйствительно-полезнымъ обществу—безъ слабости, безъ угоднической поправки его страстямъ, но съ постояннымъ, неподдѣльнымъ, уваженіемъ къ *человѣку*, кто бы онъ ни былъ. Общество оцѣнило заслуги Н. Ив. и съ энтузіазмомъ высказало ему свою признательность. Въ описаніи «Прощанія» и въ рѣчахъ, которыя при этомъ были сказаны, — характеръ дѣятельности Н. Ив. Пирогова очерченъ полнѣе и выразительнѣе, нежели мы въ состояніи это сдѣлать.

Прощальный обѣдъ 4-го апрѣля—такъ начинается описаніе прощанія Кіевского Учебнаго Округа съ Пироговымъ,—имѣлъ особый, своеобразный характеръ, который рѣзко выдвигаетъ его изъ ряда торжественныхъ обѣдовъ. На немъ присутствовало болѣе 120 участниковъ, но все это были люди учебнаго вѣдомства, съ которыми Н. И. находился, по самому положенію своему, въ болѣе или менѣе частыхъ, въ болѣе или менѣе близкихъ отношеніяхъ. А служить вмѣстѣ съ нимъ, служить подъ начальствомъ его, значило для большинства быть его учениками. Потому-то отъ собранія удалена была всякая торжественность и публичность: ихъ никогда не любилъ Николай Ивчъ. Это былъ домашній обѣдъ, на которомъ огромная семья людей, родныхъ по убѣжденіямъ, прощалась съ главою дома. На отходящаго патріарха—учителя грустно устремлены были все взоры, къ нему одному обращались все желанія и привѣтствія. Каждый говорилъ объ немъ одномъ, каждый, оцѣняя его заслуги, объяснялъ себѣ и другимъ всю тягость испытываемой утраты. Восторженно и одушевленно выражали свои чувства разстроганные ученики, а онъ задумчиво и спокойно говорилъ намъ объ одномъ, вѣчно непреходящемъ царствѣ идеи и утѣшалъ насъ возможностью и въ разлукѣ постоянно сообщаться мыслями въ этомъ мірѣ идей. Особенно—памятными пребудутъ для насъ тѣ минуты, когда устами студента, недавняго гимназиста, будущее поколѣніе общественныхъ дѣятелей выразило, какъ оно понимаетъ Пирогова, когда представитель нравственно—поднятыхъ имъ еврейскихъ училищъ провозгласилъ тостъ за совершеннѣйшаго представителя образованныхъ христіанъ, когда наконецъ издалика раздался голосъ полтавскихъ гимназистовъ, просящихъ своего бывшаго «руководителя» благословить ихъ быть достойными гражданами. Въ эту минуту мы не жалѣли о Пироговѣ,—нѣтъ! мы завидовали ему тою высокою, плодотворною завистью, которая вызываетъ на благородное соревнованіе и усиленный трудъ.

Заимствуемъ болѣ замѣчательныя рѣчи, объясняющія дѣятельность Пирогова.

Послѣ І. Г. Михневича, который первый выразилъ воодушевлявшія собраніе чувства, при разставаніи съ уважаемымъ человѣкомъ, ректоръ университета Н. Х. Бунге сказалъ:

«Лѣтъ шесть тому назадъ, среди разгара войны, въ лѣтописяхъ которой сохранился дорогое намъ имя, общество наше пробудилось къ новой жизни. Великія, совершившіяся съ тѣхъ поръ преобразованія вызвали много новыхъ дѣятелей на гражданское поприще и тѣ, которые слѣдили за ходомъ нашего мирнаго развитія, могли замѣтить сколько людей въ это короткое время пережили и свою старую, и свою новую славу.

Отчего же добрая слава Николая Ивановича устояла и противъ ожесточенныхъ порицаній и противъ восторженныхъ похвалъ? Оттого, мм. гг., что Н. И. опирался въ своей дѣятельности на служеніе наукъ и нравственному авторитету, а то и другое вызываетъ не мимолетную популярность, а уваженіе и любовь.

Я не стаю исчислять всего, что сдѣлалъ Н. И. для университетской науки; довольно упомянуть о живомъ участіи, которое онъ принималъ во всѣхъ ученыхъ вопросахъ по изданію университетскихъ извѣстій, по замѣщенію кафедръ, по раздѣленію факультетовъ; довольно упомянуть о томъ, какъ щедро ассигновались и тратились наши средства на переустройство астрономической обсерваторіи, на передѣлку помѣщенія для практическихъ занятій химіею, какъ скупо расходовались они на роскошь ремонта; о томъ, какъ много обязана ему студенческая библіотека, въ пользу которой онъ, на-дняхъ, предоставилъ изданіе своихъ педагогическихъ статей, написанныхъ въ истекшіе три года.

Но главная тайна вліянія Н. И. заключалась въ служеніи нравственному авторитету.

Онъ старался упрочить его устройствомъ университетскаго суда, порученнаго правленію. Каковы бы ни были недостатки этого учрежденія, но оно дадо приговорамъ за проступки студентовъ характеръ законности, а не личного произвола.

Онъ старался сообщить инспекціи студентовъ духъ благородства и прямоты и упрочить за нею большую степень довѣрія.

Онъ основывалъ свою власть на преданности наукъ и на внутреннемъ убѣжденіи; но гдѣ власть опиралась на эти силы, гдѣ зрѣлыя понятія только начинали проникать въ умы молодого поколѣнія, испытывавшаго на себѣ постороннія вліянія, чуждыя и университету и намѣренія его бывшаго руководителя, тамъ нельзя было ожидать внезапнаго торжества нравственнаго самоблаженія.

Будущее принадлежало намъ; оно готовило неразрывную связь между всѣми служителями истины и добра. Поэтому позвольте, мм. гг., выразить надежду, что этотъ союзъ осуществится, и предложить тостъ за Н. И., его основателя и представителя нравственнаго принципа въ дѣлѣ образованія».

Послѣ ректора, ученикъ и восторженный поклонникъ Пирогова, профессоръ анатоміи А. П. Вальтеръ представилъ одушевленную картину по-преимуществу ученой дѣятельности славнаго медика.

«Мм. гг! Мы всё чувствуемъ, что этотъ обѣдъ, это собраніе не есть обыкновенное прощаніе съ уважающимъ начальникомъ. Мы увѣрены, что еслибъ во всей обширной Россіи знали о настоящемъ дѣлѣ и его значеніи, то мысли и чувства всѣхъ многочисленныхъ приверженцевъ и почитателей Н. И. Пирогова были бы съ нами здѣсь въ эту торжественную минуту. Давно извѣстно, что современная Россія глубоко сочувствуетъ Николаю Ивановичу, т. е., что онъ въ полной гармоніи съ большимъ числомъ современниковъ. Но такъ-ли было всегда? Вотъ вопросъ, котораго рѣшеніе важно въ это время для того, чтобы почерпнуть изъ исторіи его жизни ручательство за вѣрность стремлений какъ его самого, такъ и его послѣдователей.

Я вправѣ говорить объ этомъ, ибо мнѣ досталось на долю рѣдкое счастье слѣдить въ продолженіи 26 лѣтъ за подвигами и дѣйствіями Н. И.

Произношу съ гордостью: я ученикъ Н. И. Я видѣлъ, какъ въ 1836 году молодой профессоръ вступилъ на кафедру императорскаго дерптскаго университета, въ которомъ до тѣхъ поръ привыкли видѣть дѣльных профессоровъ только изъ Германіи. Тѣмъ не менѣе вся молодежь, увлекаемая пылкимъ и неутомимымъ рвеніемъ молодого ученаго къ наукѣ, бросилась вслѣдъ за нимъ. Имя Пирогова наполнило всѣ сердца и умы, и онъ основалъ первую въ Россіи и одну изъ лучшихъ хирургическихъ школъ, разсыпанные члены которой и теперь приносятъ пользу во всей необъятной Россіи. Онъ издалъ въ Дерптѣ два замѣчательныя сочиненія. Первое изъ нихъ было Лѣтописи дерптской клиники, въ которыхъ молодой профессоръ жертвовалъ тѣмъ, чѣмъ обыкновенно неохотно жертвуютъ врачи: своимъ репутациею. Въ этомъ сочиненіи онъ исповѣдалъ публично свои клиническія ошибки, онъ доказалъ ту высокую правдивость, которая характеризуетъ всю его жизнь. Сверхъ того онъ написалъ въ Дерптѣ сочиненіе, теперь выходящее вторымъ, неизмѣненнымъ изданіемъ, которымъ заняты нашъ будущій товарищъ, профессоръ Шимаповскій. Стало быть въ продолженіе 23 лѣтъ, въ которые анатомическія науки сдѣлали неслыханные успѣхи, ученый свѣтъ не могъ произвести ничего лучше перваго литературнаго труда Н. И. Пирогова. Изъ Дерпта Н. И. перешелъ въ С.-Петербургъ для того, чтобы лучше служить наукѣ и быть полезнѣе для Россіи, чѣмъ это ему было возможно въ образованномъ, но отдаленномъ углѣ нашего обширнаго отечества. При переѣздѣ его въ Петербургъ, его слава, послѣ пятилѣтней профессорской дѣятельности, была уже такъ велика, что президентъ петербургскаго общества русскихъ врачей принялъ всевозможныя мѣры для того, чтобы немедленно увѣдомили его о прибытіи Пирогова. Ночью пріѣхалъ знаменитый хирургъ, а наутро президентъ явился къ нему и поднесъ дипломъ на званіе члена общества русскихъ врачей. Дѣятельность Н. И. въ столицѣ была и ученая и административно-медицинская. Упомянемъ вкратцѣ о важнѣйшихъ его заслугахъ. Ему принадлежитъ первое осуществленіе присоединенія нашихъ госпиталей къ клиническому преподаванію и, если эта мысль еще не вездѣ у насъ проведена, то ея будущее осуществленіе едва-ли подлежитъ сомнѣнію. Подъ исключительнымъ вліяніемъ его мысли составленъ нашъ уставъ объ испытаніяхъ для полученія медицинскихъ степеней, уставъ, который, независимо отъ колебаній состоянія науки въ извѣстное время, весьма практиченъ и реализуетъ необходимость соединенія науки съ практикою въ медицину. Н. И-чу принадлежитъ нѣсколько страницъ изъ исторіи доблестныхъ подвиговъ русскихъ врачей на полѣ сраженія. При началѣ крымской войны онъ изобрѣлъ гипсовую повязку, облегчившую страданія многихъ ты-

сячь раненныхъ воиновъ. Онъ раздѣлялъ труды нашей арміи въ Крыму и никогда, въ особенности русскій солдатъ, не забудетъ его искусной руки и его доброй, сѣрдобольной души. Въ Петербургѣ онъ написалъ свое знаменитое сочиненіе: *Anatome topographica* (лѣдяная анатомія), плодъ пятилѣтнихъ трудовъ. До этого сочиненія, кто говорилъ объ анатоміи, тотъ говорилъ объ анализѣ, о разложеніи; Пироговъ ввелъ въ эту науку синтезистъ. Чтò въ продолженіи 2000 лѣтъ разлагали, раздѣляли, то онъ соединилъ, свелъ въ одно и доказалъ, что, за избыткомъ анализа, мы не понимаемъ синтеза. Какъ понятны были эти заслуги и труды современниками Пирогова? Критика разразилась укорами надъ его клиническою лѣтописью, нашли, что онъ слишкомъ пренебрегаетъ терапіею. Но чтожь? Не прошло нѣсколькихъ лѣтъ—и эта же терапія, въ которую тогда вѣрили противники Н. И., была признана ничтожною. Н. И. былъ правъ. Какъ вѣрно онъ угадалъ потребность хирургіи въ своемъ сочиненіи о перевязкѣ артерій, доказываетъ то, что этотъ трудъ не отсталъ отъ современности въ теченіи нѣлыхъ 25 лѣтъ и сразу былъ признанъ первокласснымъ, въ высшей степени практическимъ сочиненіемъ. Лѣдяная анатомія, хотя еще не признана какъ слѣдуетъ и встрѣчена только всеобщимъ удивленіемъ, но уже настаетъ, уже начался тотъ періодъ анатоміи, когда станутъ изслѣдовать устройство не мертвого, а живаго человѣка; а когда это будутъ дѣлать вездѣ, тогда сочиненіе Пирогова обратится въ ежедневную справочную книгу для всѣхъ анатомовъ и врачей въ свѣтѣ. Это сочиненіе составляетъ эпоху въ наукѣ; соединеніе же клиникъ съ госпиталями есть начало реформы медицинскихъ училищъ въ Россіи. Никогда, ни чей голосъ не отвергалъ пользы его экзаменаціоннаго устава: онъ соответствовалъ вполне своему времени и не утратилъ этого значенія и теперь.

Но великій анатомъ, великій врачъ оставляетъ медицинскую кафедру, и, о чудо! анатомъ, хирургъ и испытатель матеріи въ природѣ человѣка дѣлается поборникомъ его духовнаго начала. Онъ требуетъ признанія и развитія достоинства человѣка, въ знаменитыхъ строкахъ о вопросахъ жизни онъ кладетъ руку на больное мѣсто въ воспитаніи русской молодежи, но кладетъ ее какъ врачъ, для исцѣленія ранъ. Онъ произнесъ то, что всѣ чувствовали, но никто не облекъ въ слово. Вся Россія его поняла, вся Россія согрѣвалась его теплою вдохновенною рѣчью, вся Россія стала требовать гуманности, человѣчности въ воспитаніи. Пироговъ указалъ на сущность университетскаго образованія въ противоположность спеціальному. Онъ доказалъ связь гуманнаго образованія съ божественнымъ ученіемъ. Понялъ-ли тутъ Пироговъ духъ своего времени? Кажется объ этомъ спорить излишне.

Потомъ Н. И. дѣлается ученымъ администраторомъ, попечителемъ въ высшемъ и благороднѣйшемъ смыслѣ этого слова. Онъ эманципируетъ бѣдныхъ дѣтей отъ безумнаго и унижающаго человѣческое достоинство тѣлеснаго наказанія, онъ подаетъ руку загнанному племени Евреевъ, онъ указываетъ христіанамъ сколько гуманности и любви къ просвѣщенію кроется въ этой расѣ. И чтожь? Какъ отозвалось на все это современное общество? Едва-ли кто у насъ болѣе популяренъ, любимъ, уважаемъ, какъ Пироговъ.

Я кончаю свою рѣчь:

Н. И. Пироговъ, какъ человѣкъ науки, былъ всегда передовымъ двигателемъ ея; общество шло за нимъ и всегда время доказывало, что онъ не ошибался. Когда же онъ сталъ заниматься вопросами жизни, то великій врачъ, привыкшій всегда однимъ взглядомъ окидывать всю цѣлость явленій, а не

увлекаться однимъ, всегда схватывать вѣрно потребности момента. Храмъ идей былъ открытъ всѣмъ, но первый въ него вошелъ Н. И. и за нимъ уже вошли всѣ другіе съ криками радости и удивленія. Онъ былъ вполнѣ нетолковою человѣкъ своего времени, но и вождемъ своихъ современниковъ. Число людей нераздѣляющихъ его взглядовъ не велико, оно никогда не было велико! Н. И. не воевалъ противъ зла, онъ возвышалъ, укрѣплялъ приверженцевъ добра, онъ увлекалъ ихъ теплою чувствъ и закрѣплялъ ихъ увлеченіе убѣжденіемъ и разсудкомъ. Его врагами не были поборники зла, они его не боялись. Его противниками были собственно тѣ люди, которые, въ свое время и въ свою очередь, стояли за прогрессъ, но, будучи обязаны охранять блага добытаго прогресса, страшатся опрометчиво идти дальше за Н. И., пока не поймутъ прочности и вѣрности его идеи. Но они напрасно сомнѣваются въ счастливой звѣздѣ, въ гениальной смѣтливости Н. И.: си они послѣдуютъ за нимъ, и тогда идеи Пирогова вполнѣ восторжествуютъ. За это намъ ручается весь ходъ его жизни, успѣхъ его мыслей и трудовъ. Итакъ, господа, я предлагаю тостъ за почитателя двухъ учебныхъ округовъ, великаго ученаго, славнаго писателя, благороднаго гражданина, нашего незабвеннаго друга и руководителя Николая Ивановича Пирогова!

Отъ имени двухъ кievскихъ гимназій говорили старшіе учителя
 Ѳ. Ѳ. Петрушевскій и И. О. Самчевскій.

Г. Петрушевскій сказалъ:

Обращаясь къ вамъ, Николай Ивановичъ, съ краткимъ словомъ, въ которомъ пытаюсь выразить ощущенія, съ какими мы предаемся бесплодному сожалѣнію о томъ, что недолго привелось намъ быть свидѣтелями вашей безпримѣрной дѣятельности.

Съ тѣхъ поръ, какъ первая кievская гимназія, на ряду съ прочими, назвала васъ своимъ начальникомъ, мы сами увидѣли, кто не былъ слѣпъ, то, о чемъ до той поры говорила намъ молва. Мы поняли въ чемъ заключается истинная власть и какъ она выражается; всякій испыталъ, что знаменитый ученый, человѣкъ истинно просвѣщенный и глубоко преданный дѣлу человѣческаго развитія приобрѣлъ надъ нами вліяніе, недоступное никакому другому олицетворенію власти, вооруженному всѣми возможными знаками отличія.

Съ тѣхъ поръ, какъ мы стали свидѣтелями вашего неутомимаго трудолюбія, никто изъ насъ не могъ сказать ни вслухъ, ни мысленно, что онъ сдѣлалъ все, чего могло ожидать отъ него общество. Безмолвная, но неотразимая укоризна, исходя изъ тиши кабинета, гдѣ неутомимо работалъ Пироговъ, ложилась нерадивому на совѣсть, и напрасно онъ принималъ на себя мниморавнодушный видъ, не успѣвая обмануть даже и самого себя.

Свободно и самостоятельно трудились мы, каждый по-своему; мы мѣнялись мыслями, и ни чье доброе пожеланіе, ни чья счастливая идея на пользу общую не были останавливаемы никакимъ опасеніемъ, потому что мы всѣ, благодаря вамъ, пользовались одинаковою разумною свободою.

Никогда не позволю себѣ оскорблять слухъ вашъ льстивыми фразами, не буду говорить, наприм., что гимназія наша будто бы достигла высшей степени благосостоянія, но я долженъ сказать здѣсь во имя истины, что никогда мы, воспитатели и наставники, не испытывали болѣе благотворнаго нравственнаго и умственнаго вліянія, какъ въ то короткое время, когда имѣли счастье

называть васъ своимъ главою. Мы видѣли не начальника надъ собою, но чело-
вѣка, гражданина, ученаго и воспитателя, находившаго высшее удовлетво-
реніе въ своемъ собственномъ сознаніи.

Этого рода впечатлѣнія не скоропреходящи,—пѣтъ, они глубоко вошли въ
наши натуры и принесутъ полезные плоды.

Скоро вы будете далеко отъ насъ, но ни разстояніе, которое будетъ мож-
ду нами, ни долгіе годы предстоящей намъ разлуки не истребятъ ихъ, и
позвольте заявить вамъ, что всегда мы будемъ вспоминать о васъ со всѣмъ
чистымъ и глубокимъ уваженіемъ, какого заслуживаетъ знаменитое имя Пи-
рогова, за котораго, мм. гг., честь имѣю предложить торжественный тостъ.

Самчевскій сказалъ отъ имени второй гимназіи:

«Отъ лица второй гимназіи, собравшейся здѣсь въ полномъ своемъ со-
ставѣ, я осмѣливаюсь возвысить мой слабый голосъ, чтобы выразить вамъ,
Николай Ивановичъ, наше глубокое сочувствіе и искреннюю благодарность
за неутомимую и въ высшей степени плодотворную вашу дѣятельность въ
званіи попечителя кievскаго учебнаго округа.

Вы старались провести въ дѣло ту благую мысль, что произволъ особенно
вредить въ дѣлѣ воспитанія, и плодомъ этого стремленія было осуществленіе
въ гимназіяхъ *коллегіальнаго управленія*, бывшаго до того времени только
на бумагѣ въ уставѣ 1828 г. Устройство это успѣло въ настоящее время
правильно организовать и принести благодѣтельные плоды: оно избавило
и удержало въ извѣстной мѣрѣ учащихся и учащихся отъ произвола и начало
вызывать живую нравственную связь между тѣми и другими; оно пробудило
сознательную дѣятельность преподавателей и подняло ихъ значеніе въ обще-
ствѣ, въ собственномъ сознаніи и въ глазахъ учащихся. Безъ сомнѣнія, здѣсь
имѣло огромное вліяніе и то въ высшей степени гуманное обращеніе съ ли-
цами подвѣдомственными вамъ, которое присуще было вашей человѣчной при-
родѣ, которое вытекало у васъ, безъ сомнѣнія, изъ сознанія его необходимо-
сти, а не изъ другихъ побужденій, въ высшей степени, повторяю, гуманное
обращеніе, которое рѣдко и въ настоящее время, хотя объ немъ такъ много
пишутъ и говорятъ. Предъ вами мы всѣ были равны, доступъ къ вамъ для
всѣхъ былъ одинаковъ, не было различія въ званіи, въ каждомъ изъ насъ вы
прежде всего видѣли чело-вѣка; оттого истина была вамъ доступна и между
вами и вашими сослуживцами существовала та нравственная связь, то искрен-
ное довѣріе, при которомъ только и возможны прочные успѣхи въ великомъ дѣ-
лѣ воспитанія. Благодаря этимъ отношеніямъ и вашей постоянной заботливо-
сти о вѣренномъ вамъ вѣдомствѣ, среднія учебныя заведенія наши много
выиграли и въ нравственномъ и учебномъ отношеніи. Тѣлесныя наказанія,
вредно дѣйствующія на нравственность учащихся, при произвольномъ ихъ
употребленіи, почти устранены, разумѣется, насколько это возможно при
нынешнемъ состояніи нашего общества и нашихъ учебныхъ заведеній; пре-
подаваніе получило болѣе рациональное направленіе, въ ученикахъ возбуждена
сознательная дѣятельность, къ чему много способствовали вами учрежденные
литературныя бесѣды, въ которыхъ вы принимали такое живое участіе.

Отъ cadaго изъ насъ вы требовали дѣла и дѣло говорило само-за-себя;
громкія фразы формальное только исполненіе обязанностей, льстивыя обѣща-
нія и увѣренія потеряли свою силу. Протекціи утратили свое значеніе: мѣста
замѣщались по *конкурсамъ*, слѣдовательно—людьми способными къ педагоги-
ческой дѣятельности.

Вы не ограничивались одними требованіями и исполненіемъ этихъ требованій. Вы старались разумно вызвать въ насъ педагогическую дѣятельность собственнымъ участіемъ и готовностію содѣйствовать ей всевозможными средствами. Блестящимъ памятникомъ въ этомъ отношеніи останутся *циркуляры* по управленію округомъ: официальный перечень служебныхъ перемѣнъ, извѣстный подъ именемъ циркуляра, вы обратили въ одно изъ лучшихъ педагогическихъ изданій въ Россіи. Въ нихъ знакомились мы съ различными мнѣніями о преподаваніи, они служили проводникомъ вашихъ честныхъ убѣжденій и просвѣщенного взгляда на воспитаніе. Въ двухлѣтнее ваше управленіе *библіотеки и кабинеты* наши значительно увеличились, нѣкоторые изъ преподавателей гимназій получили *средства къ самоусовершенствованію* за границей.

Въ заключеніе г. Самчевскій прибавилъ:

Намъ хотѣлось бы вѣрить, что начала положенныя вами будутъ имѣть благотѣльные результаты. По крайней мѣрѣ мы съ своей стороны, по мѣрѣ силъ и возможности, будемъ руководствоваться тѣми убѣжденіями, которыми была запечатлѣна ваша дѣятельность.

Но сильное впечатлѣніе произвели на всѣхъ присутствовавшихъ и замѣтно тронули самого Н. И—ча слѣдующія простыя, но исполненныя глубокаго смысла, слова студента историко-филологическаго факультета Драгоманова:

«Николай Ивановичъ! Прислушиваясь къ рѣчамъ, только что произнесеннымъ, я не могъ не замѣтить одной идеи, ихъ проникающей. Присутствующіе высказались ясно, что началомъ вашей многосторонней дѣятельности было полное уваженіе къ человѣку.

Я недавно былъ гимназистомъ и, пользуясь случаемъ, скажу нѣсколько словъ о томъ вліяніи, какое имѣло это начало на нравственное развитіе молодого поколѣнія.

Въ прежнее время одни начальники съ суровой строгостію требовали формальнаго уваженія къ старшимъ и вызывали въ насъ страхъ и вражду, другіе были маниловски мягки и тѣмъ располагали насъ къ неуваженію. Отсутствіе гуманныхъ принциповъ и взаимнаго уваженія въ обоихъ случаяхъ вело насъ къ своевольству. Вы внушили начальствующимъ, что возведеніе мелочей въ нравственную обязанность даетъ превратное понятіе о самой нравственности, что уваженіе заслуживается, а не требуется, что оно должно быть взаимно. Вы распространили въ нашихъ гимназіяхъ понятіе о законности. Я былъ въ седьмомъ классѣ, когда начались ваши преобразованія. Въ прежнее время въ высшихъ классахъ непризнанная самостоятельность мальчика проявлялась въ самыхъ уродливыхъ формахъ и вражда къ старшимъ достигала крайнихъ предѣловъ. Когда же наше начальство стало постепенно проникаться духомъ вашего управленія, когда ученикъ въ недоразумѣніяхъ съ учителемъ сталъ надѣяться когда нибудь выйти правымъ, въ насъ эта вражда стала стихать. Потому-то мы не враждебно, а съ любовью вспоминаемъ наши послѣдніе школьные годы.

Я не буду, изъ лести къ вамъ, отрицать вліянія нашихъ лучшихъ наставниковъ, но скажу смѣло, что большая часть этого вліянія узаконилась и самоотверженно поддерживалась вами. И безъ вашего участія гуманія начала

вошли бы, конечно, со временемъ въ наши гимназіи, но входили бы неспокойно, насильственно, еще болѣе усиливая вражду къ старшимъ. Между тѣмъ какъ, при вашихъ преобразованіяхъ, благія послѣдствія постепенно устанавливавшихся человѣческихъ отношеній между старшими и младшими сказались рано. Еще въ седьмомъ классѣ мы стали преслѣдовать цѣльное молодечество и удерживать нашихъ своевольныхъ товарищей, стали понимать, что начальникъ представитель закона, а не произвола.

Конечно, наши младшіе товарищи могли развиваться еще нормальнѣе: въ какіе нибудь два съ половиною года вы не успѣли окончить вашего дѣла, съ корнемъ уничтожить произволъ и своеволие. Но вѣдь ли винить за то? При великомъ уваженіи къ вамъ, я рѣшусь сказать, что даже въ самыхъ обвиненіяхъ, дѣлаемыхъ вамъ непонимающими васъ, есть своя доля правды. Вы дѣйствительно были слишкомъ гуманны. Но можно только пожалѣть о томъ обществѣ, въ которомъ гуманность иногда бываетъ излишнею и производитъ рядомъ съ законной свободой хотя случайное своеволие! Развѣ слѣдуетъ бояться эманципаціи крестьянъ, изъ-за того только, что иными она можетъ быть ложно понята? И еще вопросъ, что виновато въ этомъ непониманіи: эманципація или закрѣпленіе?

И все-таки въ ваше управленіе не было такихъ взрывовъ своеволія, какіе помнитъ каждый помнящій свои прежніе школьные годы. И все-таки, если вообще здѣшнее юношество теперь равнѣ прежняго сознало, что попятіе о свободѣ необходимо соединяется съ уваженіемъ къ себѣ и другимъ, то оно сознало это именно подъ вліяніемъ нравственнаго порядка, установленнаго вами въ нашихъ учебныхъ заведеніяхъ.

А потому, господа, позвольте мнѣ отъ лица моихъ товарищей предложить тостъ за людей, разумно воспользовавшихся свободой въ гимназіи и въ университетѣ, за будущихъ серьезныхъ гражданъ нашего отечества, за человѣка, которому они обязаны началомъ нормальнаго воспитанія, за Николая Ивановича Пирогова!»

Громкія одобренія безпрерывно прерывали слова молодого человѣка и долго не умолкали послѣ его рѣчи. Когда улеглись взволнованныя чувства, началъ говорить, наканунѣ нарочно присланный изъ Бердичева, смотритель еврейскаго училища Н. Н. Горенбергъ:

«Николай Ивановичъ! Бердичевское образованное общество Евреевъ и учителей прислало меня уполномоченнымъ, чтобы сказать вамъ на этомъ прощальномъ обѣдѣ нѣсколько словъ отъ ихъ имени. Извѣстно, какое шаткое основаніе положено было вновь устроеннымъ въ 1848 г. специально еврейскимъ училищамъ для образованія Евреевъ въ Россіи: организація дана имъ была весьма слабая; въ смотрители училищъ назначены были люди по большей части оказавшіеся лишними для христіанскихъ заведеній; для воспитанниковъ и еврейскихъ учителей не дано ни правъ, ни преимуществъ. Слѣдствіемъ такого устройства еврейскихъ училищъ было то, что съ самаго-же начала между училищемъ и обществомъ образовалась преграда: на сторонѣ училища обнаружилось равнодушіе, даже пренебреженіе, на сторонѣ общества—недовѣріе и жалобы; по причина этихъ жалобъ можетъ быть понятна только для того, кто смотритъ на человѣка съ такой *человѣчиной* точки зрѣнія, какъ вы. Сколько намъ извѣстно, вы первый въ здѣшнемъ краѣ рѣшились возвысить свой справедливый голосъ въ защиту загнаннаго еврейскаго

племени. Какъ человѣкъ, стоящій выше всякихъ предрасудковъ, вы собственнымъ гуманнымъ примѣромъ больше имѣли вліянія на своихъ подчиненныхъ, чѣмъ всѣ ваши предшественники своими строгими формальными предписаніями. Сила этого личнаго вліянія была такъ велика, что даже люди прежняго порядка нехотя поддавались ей и измѣнялись. Это устранило отъ васъ непріятность удалять ихъ. Какъ попечитель, вы справедливо считали еврейскія училища, если не самую важную, то по крайней мѣрѣ самую болѣзною частію своего округа. Какъ медикъ, привыкши сочувствовать страданію человечества, вы подавали руку помощи образованной партіи Евреевъ и тѣмъ поддерживали ихъ энергію въ неравной борьбѣ какъ съ фанатизмомъ своихъ отсталыхъ единовѣрцевъ, такъ и съ предрасудками отсталыхъ христіанъ. Евреи все это чувствуютъ и сознаютъ. Они понимаютъ, что вы все это дѣлали не для выставки, а для самаго дѣла, не только по долгу, но и по убѣжденію. За то не преувеличивая можно сказать, что всѣ образованные Евреи въ Россіи и многіе за границею съ благоговѣніемъ произносятъ ваше имя, и этотъ, такъ сказать, нравственный памятникъ народной признательности переживетъ всякій матеріальный. Николай Ивановичъ! Образованная партія Евреевъ съ большою скорбію услышала вѣсть о томъ, что вы разлучаетесь съ нами: если христіане потеряли много, то Евреи потеряли весьма и весьма много. Въ несчастіи люди мнительны, а потому Евреи теперь считаютъ свое дѣло задержаннымъ, если не болѣе... Будущее направленіе вашего округа покажетъ, насколько справедливо ихъ предчувствіе. Дай Богъ, чтобы оно ихъ обмануло! Впрочемъ, что бы ни было, Евреи надѣются, что вы, Николай Ивановичъ, гдѣ бы вы ни были, не перестанете возвышать въ пользу справедливаго еврейскаго вопроса голосъ болѣе сильный, чѣмъ голосъ попечителя,—голосъ Пирогова. Николай Ивановичъ! Бердичевское общество не только Евреевъ, но и христіанъ, не прощается еще съ вами; оно надѣется, что будетъ имѣть честь проститься съ вами у себя, въ Бердичевѣ.

Васъ, господа, какъ представителей образованія въ здѣшнемъ краѣ, васъ Евреи просятъ поблагодарить вмѣстѣ съ нами Николая Ивановича за все то, что онъ сдѣлалъ для нихъ какъ попечитель и человѣкъ; но еще больше за то, что онъ хотѣлъ сдѣлать... Господа! образованные Евреи предлагаютъ тостъ за здоровье всѣхъ гуманныхъ христіанъ вообще и за совершеннѣйшаго ихъ представителя—Пирогова.*

Тостъ, предложенный г. Горенбергомъ, былъ принятъ съ необыкновеннымъ одушевленіемъ, какъ наглядное доказательство высокой, во имя науки всѣхъ братски сближающей и примиряющей дѣятельности Николая Ивановича.

Подали свой голосъ и воскресныя школы: первая идея ихъ была энергически поддержана П. И-чемъ, который ближе всего принималъ къ сердцу интересы простаго народа и почиталъ образованіе его самою насущною необходимостію для осуществленія великой реформы Освободителя. Завѣдывающій подольскою воскресною школою, штатный смотритель кіево-подольскаго дворянскаго училища, П. И. Слѣпушкинъ сказалъ:

«Позвольте мнѣ не обойти молчаніемъ факта, опущеннаго въ рѣчахъ пред-

пешествовавшихъ и которому можетъ быть суждено занять видное мѣсто въ исторіи нашего народнаго образованія. Я разумно воскресныя школы.

Первыя школы, какъ извѣстно, открылись въ Кіевѣ, въ ваше управленіе. Здѣсь онѣ развились, упрочились и отсюда уже, быстро размножаясь, распространились по всей Россіи. Если первая мысль этого, богатаго надеждами, дѣла и не принадлежитъ вамъ, Николай Ивановичъ, если съ первыми школами связано имя человѣка еще живущаго въ памяти университета; то во всякомъ случаѣ, смѣло скажу, — безъ вашего ободряющаго содѣйствія, безъ вашей дѣятельной инициативы, эта мысль еще долго и долго не могла бы осуществиться.

Конечно, теперь, когда дѣло воскресныхъ школъ уже упрочено, легко думать, что оно могло бы совершиться безъ препятствій. Но мы еще живо помнимъ, какимъ общимъ недовѣріемъ были онѣ встрѣчены. И потому не можемъ забыть, что вы первый упрочили положеніе ихъ въ Кіевѣ, а можетъ быть нашъ примѣръ облегчилъ появленіе ихъ и въ другихъ мѣстахъ.

Говорить о значеніи воскресныхъ школъ для образованія народа я считаю и преждевременнымъ и лишнимъ. Врядъ ли кто будетъ сомнѣваться теперь, что это дѣло великой, огромной важности. Напомнивъ о нихъ, я хотѣлъ только заявить, что всякая добрая мысль, всякое истинно-полезное начинаніе встрѣчало въ васъ всегда горячую поддержку и ободреніе.

Не мудрено, если при разставаньи съ вами, въ общемъ тонѣ рѣчей, сказанныхъ сегодня, выразилось такъ много скорбнаго. Въ этой скорби всего менѣе можно видѣть личное чувство. Я не хочу сказать, что оно не сильно къ вамъ; но все личное должно смолкнуть теперь предъ общественной потерей. А въ вашемъ лицѣ, Николай Ивановичъ, общество теряетъ много, неизмѣримо много!

Всегда и повсюду являются люди, на долю которыхъ выпадаетъ рѣдкое счастье быть выразителями лучшихъ стремленій времени. На нихъ покоятся надежды тѣхъ, которые желаютъ истиннаго блага странѣ своей и правдиво понимаютъ это благо. Они — неподкупные вожаки, ободряющіе на честномъ пути другихъ; и благо тамъ, гдѣ умѣютъ ихъ цѣнить!

Въ васъ, Николай Ивановичъ, мы, да и не только мы, привыкли видѣть такого вожака.

Вотъ почему собрались мы сегодня, *печальные, глубоко-потрясенные!*...

Потери наша не въ безпримѣрномъ начальникѣ, даже не въ высоко-правственномъ человѣкѣ... мы проигрываемъ болѣе, — да и не одни мы: вся просвѣщенная и мыслящая Россія понимаетъ смыслъ и значеніе вашей дѣятельности!

Разставаясь съ вами, мы выносимъ только одно высокое, но печальное утѣшеніе, что во всякомъ обществѣ остаются люди, ни для чего и ни для кого не жертвующіе своими убѣжденіями!

Позвольте же, мм. гг., предложить тостъ за этихъ людей и, слѣдовательно, за Пирогова.

Когда высказаны были такимъ образомъ значеніе и плодотворная дѣятельность Пирогова по всемъ частямъ вѣреннаго ему управленія, всталъ онъ самъ и, среди благоговѣйнаго молчанія, раздалась симпатичная, вдумчивая рѣчь его:

«Мм. гг.! Сочувствіе, которое вы мнѣ оказываете, столько же относится ко мнѣ, сколько и къ вамъ самимъ.

Не правда ли, вѣдь вы сочувствуете моимъ взглядамъ на жизнь, науку и школу? Но эти взгляды и убѣжденія столько же мои, сколько и ваши собственные.

Безъ вашего просвѣщеннаго содѣйствія, безъ вашего теплаго участія, могъ ли бы я проводить ихъ, могъ ли бы я имѣть хотя малѣйшую надежду на успѣхъ?

Не имѣя надежды на успѣхъ, могъ ли бы я сохранить и довѣріе къ самому себѣ?

Ваше же содѣйствіе и участіе потому именно было дѣятельно и задушевно, что убѣжденія ваши были моими и мои вашими. Скажу болѣе, они не только мои и ваши, но и общечеловѣческія. Какъ бы, въ наше время, ни казались различными взгляды просвѣщеннаго общества на жизнь, науку и школу, между ними есть все таки одно общее, — это понятіе, глубоко хранящееся въ душѣ каждаго образованнаго, о человѣческомъ достоинствѣ и о высокомъ значеніи нравственной свободы человѣка, заставляющее насъ цѣнить и уважать личность каждаго и въ жизни, и въ наукѣ, и въ школѣ.

Вся моя заслуга, дающая мнѣ право на ваше сочувствіе, состоитъ только въ томъ, что я угадалъ васъ.

Я угадалъ, что вы не смотрите на жизнь, какъ на фантазмагорическій призракъ, которымъ распоряжается каждый фокусникъ для забавы, или для выгоды.

Я угадалъ, что наука въ вашихъ глазахъ не есть одна только гимнастика ума и памяти, видимо полезная себѣ и другимъ.

Я догадался, что школа въ вашемъ понятіи не есть учрежденіе, похожее на мастерскую ваятеля, въ которомъ художникъ по заказу выдѣлываетъ различныя формы изъ грубаго матеріала.

Я понялъ, что вы, глядя на жизнь, науку и школу, не смотрите на каждую изъ трехъ какъ на что-то отдѣльное и замкнутое, какъ на что-то, чѣмъ каждый изъ насъ можетъ распоряжаться по произволу, не обращая вниманія на ихъ взаимную, органическую связь.

Нѣтъ. Я понялъ, что жизнь человѣка для васъ есть непрерывная, не рѣдко роковая борьба, всего чаще съ самимъ собою, на пути къ совершенству, и что эта борьба зависитъ отъ врожденнаго, ничѣмъ неостановимаго стремленія къ совершенству.

Я узналъ, что въ наукѣ вы не принимаете другой цѣли, кромѣ того же стремленія къ истинѣ, служащаго самому себѣ цѣлью, и считаете школу за одно изъ проявленій жизни съ ея борьбою и съ ея влеченіями къ достиженію вѣчной правды.

Наконецъ, понявъ хорошо другъ друга, могли ли мы всѣ какъ въ жизни, такъ въ наукѣ и въ школѣ, какъ въ ребенкѣ, такъ и въ юношѣ, въ возмужаломъ и въ старикѣ не уважать человѣческаго достоинства, нравственную свободу человѣческаго духа и личность?

Угадавъ и понявъ васъ, проводить наши общія убѣжденія было моею первою обязанностію.

Судить о томъ, какъ я, слѣдовательно и вы, исполняли эту обязанность, значило бы судить о самихъ себѣ.

Такой судъ не можетъ быть безпристрастнымъ.

Время обсудить и оцѣнить лучше нашего и наши убѣжденія, и наши дѣйствія; а мы, разставаясь, утѣшимъ себя тѣмъ, что и здѣсь, на землѣ, — гдѣ все проходить, — есть для насъ одно ненарушимое, — это господство идей. И потому, если мы вѣрно служили идеѣ, которая, по нашему твердому убѣжденію, вела насъ къ истинѣ путемъ жизни, науки и школы, то будемъ надеяться, что и потокъ времени не унесетъ ее вмѣстѣ съ нами.

И, съ моей стороны, не перестану служить ей также вѣрно, какъ служилъ вмѣстѣ съ вами. И теперь ли, когда Россія, руководимая благотѣльнымъ Монархомъ, вступаетъ въ новую эру ея существованія, кто-нибудь изъ насъ осмѣлится нарушить святость долга, оставаясь въ бездѣйствіи?

Какъ ни грустно разставаться съ тѣми, съ кѣмъ были связаны единствомъ мысли и дѣйствій; но все таки для образованнаго ума остается утѣшеніе, что и разлучившись можно жить вмѣстѣ, въ томъ же мірѣ идей, въ которомъ насъ соединяютъ телеграфическія нити мысли.

Итакъ, остаемся вѣрны нашему призванію и будемъ пользоваться тѣмъ, что доставляютъ намъ наши понятія о жизни, наукѣ и школѣ, которыя соединяли и будутъ соединять насъ всегда, не смотря ни на пространство, ни на время.»

Онъ кончилъ. Въ раздумьи всѣ какъ-бы прислушивались къ послѣднимъ, умирающимъ звукамъ знакомой рѣчи, которую не суждено уже болѣе слышать. Много уже было сказано рѣчей. На обычномъ обѣдѣ они могли-бы наконецъ утомить слушателей, а тутъ незамѣтно летѣли минуты и собесѣдники ждали еще словъ, какъ будто не могли наговориться и наслушаться вдоволь о Пироговѣ.

О христіанской дѣятельности Пирогова сказалъ теплое слово духовникъ его, законоучитель первой гимназій, священникъ В. П. Каменскій.

Наконецъ, резюмировать все выраженное въ предыдущихъ рѣчахъ досталось на долю профессора исторіи Шульгина. Вотъ слова его:

«Въ послѣднее время такъ размножились торжественные обѣды по случаю, такъ часто раздаются на нихъ рѣчи, въ которыхъ ораторы не столько заботятся выставить заслуги того, о комъ говорятъ, сколько воздвигаютъ памятникъ собственному краснорѣчію, что, право, становится подчасъ совѣстно и ѣсть, и пить, и говорить въ честь личности, истинно и высоко цѣнной и уважаемой. Но чтожь дѣлать, когда въ настоящее время это единственное средство заявить свое мнѣніе о человѣкѣ противъ превратныхъ толковъ....»

И потому неудивительно, что сегодня столь многіе и такъ много говорили, да и я еще говорить хочу о человѣкѣ, который нынѣ съ нами разлучается. Я увѣренъ впрочемъ, что всѣ изъ говорящихъ сегодня согласились-бы наложить на себя обѣтъ долгаго молчанія, лишь-бы можно было еще долго трудиться и мыслить вмѣстѣ съ этимъ человѣкомъ, слушать одну его вдохновенную рѣчь, почерпнуть въ его словъ, въ его примѣрѣ, силы для безмолвнаго труженничества на пользу общую.

Въ моихъ словахъ будетъ наглядный сводъ того, о чемъ говорили подробно мои предшественники и о чемъ гораздо подробнѣе и краснорѣчивѣе говорить сами дѣла ваши;

1) Конкурсный порядок замѣщенія кафедръ въ университетѣ и въ среднихъ учебныхъ заведеніяхъ округа, 2) первый осуществленный планъ педагогической семинаріи, который легъ въ основу нынѣшнихъ педагогическихъ курсовъ, 3) специализація отдѣловъ историко-филологическаго факультета на историческій, классической филологіи и славянорусской филологіи, 4) правила о судѣ надъ студентами, 5) устройство студентской библіотеки и лекторіи и снабженіе первой пожертвованіемъ собственныхъ его книгъ, 6) возвышеніе значенія педагогическихъ совѣтовъ, 7) преобразование окружающаго циркуляра въ замѣчательное педагогическое изданіе, 8) правила о проступкахъ и наказаніяхъ учениковъ, 9) совершенное преобразование гимназическихъ испытаній, 10) литературныя босѣды учениковъ, 11) воскресныя школы, 12) возвышеніе еврейскихъ учебныхъ заведеній.

Довольно, кажется, совершенно въ 2½ года для того, чтобы свидѣтельствовать о вашей неутомимой дѣятельности даже передъ тѣми, которые имѣютъ неслишкомъ зоркіе глаза, чтобы видѣть! Надо при этомъ замѣтить, что и передовые люди подчинены тому же закону, какъ и непередовые: подъ вліяніемъ окружающей дѣйствительности, они не все то могутъ совершить, что желали-бы совершить и что способны совершить.

Но не въ видимой ломкѣ стараго и не въ видимой постройкѣ новаго, не въ книгахъ бумаги, исписанной правилами и постановленіями, заключается тайна вліянія передовыхъ людей. Она заключается въ томъ живительномъ духѣ, которымъ избранныя личности воодушевляютъ и лица и учрежденія, отъ нихъ зависшія. Всѣмъ намъ извѣстно, что первый вопросъ, какой ставилъ Н. И. при имени каждой науки, былъ вопросъ о томъ, какую образовательную силу имѣетъ эта наука и какъ приложить эту образовательную силу къ дѣлу. Всѣмъ намъ извѣстно, что при каждомъ удобномъ случаѣ, всѣми средствами, какими располагалъ онъ, старался Н. И. вызвать къ *самодѣятельности* и непочатыя, свѣжія силы младшаго, и, быть можетъ, уже усталыя силы старшаго поколѣнія. Въ этихъ духъ началахъ — великая заслуга Пирогова, въ нихъ жизненный нервъ образованія вообще и гуманнаго образованія въ особенности.

Но гдѣ же слѣды этой дѣятельности, этого великаго вліянія? спросать, быть можетъ, люди, которымъ духовное явленіе видно только тогда, когда на него пальцемъ ткнешь...

А хоть-бы въ словахъ этого студента, недавно гимназиста, такъ разумно сознающаго отношеніе ученика къ наставнику и обществу и такъ благородно признающаго, кому онъ этимъ сознаниемъ обязанъ...

А развѣ не указываетъ, на вліяніе Пирогова, Еврей, предлагающій пособіе бѣднымъ студентамъ—Евреямъ и христіанамъ безъ различія?..

А этотъ наконецъ представитель Евреевъ, только-что провозгласившій отъ ихъ имени гостя за образованныхъ христіанъ, имѣющихъ такого представителя человѣчности въ Пироговѣ...

Во время обѣда получены были денешніе изъ стоящихъ на телеграфической линіи городовъ учебнаго округа: изъ *Полтавы*—7, отъ совѣта губернской гимназіи, женской гимназіи, уѣзднаго училища, пансіоновъ г-жъ Куммингъ и Лерцеръ, отъ 35 полтавскихъ жителей и, особо, отъ полтавскихъ гимназистовъ; отъ *Черниговской* гимназіи; изъ *Житомира*—3, отъ губернской гимназіи и, особо, отъ почет-

наго попечителя гимназій, и отъ раввинскаго училища; изъ *Ровна*—2, отъ гимназій и, особо, отъ гимназистовъ; изъ *Петербурга*—отъ студентовъ университета, отъ евреевъ—студентовъ университета и медикохирургической академіи, отъ бывшихъ студентовъ *Кіевского* университета, и отъ многихъ другихъ лицъ.

Послѣ обѣда, по удаленіи Н. И., нѣкоторые изъ оставшихся лицъ приняли участіе въ подпискѣ, инициатива которой принадлежитъ студентамъ. Собранную сумму предположено употребить, съ разрѣшенія высшаго начальства, для той общепользующейся ученой цѣли, какую угодно будетъ назначить самому Н. И-вичу.

Въ тотъ же день, въ одинъ часъ съ началомъ обѣда, студенты, съ разрѣшенія начальства, открыли въ зданіи университета *бесплатную ежедневную школу*, въ знакъ благодарной памяти о Пироговѣ.

Нѣсколько дней спустя получено было письмо отъ кременчугскаго 4-й гильдіи купца, Исаака Германа. Въ немъ онъ проситъ у Николая Ивановича позволенія назвать по его имени *стипендію*, на учрежденіе которой въ университетѣ св. Владиміра онъ намѣревался просить разрѣшенія высшаго начальства.

8-го апрѣля, къ 10-ти часамъ утра, въ большой актовѣ залѣ университета собрались студенты и ожидали своего бывшего руководителя. Никакихъ распоряженій для соблюденія вѣшняго порядка не было принято, потому—что молодые люди (говоритъ «*Описаніе*») обязали другъ друга честнымъ словомъ—проститься съ Пироговымъ достойно Пирогова. Прощаніе показало, что довѣріе было совершенно оправдано. Въ 10-ть часовъ вошелъ Николай Ивановичъ, въ сопровожденіи ректора, и сказалъ студентамъ:

«Я принадлежу къ тѣмъ счастливымъ людямъ, которые хорошо помнятъ свою молодость. Еще счастливѣе я тѣмъ, что она не прошла для меня напрасну. Отъ этого я, старѣясь, не утратилъ способности понимать и чужую молодость, любить и, главное, уважать ее. Мы все знаемъ, что нужно почитать стариковъ, потому что старики—наши отцы и дѣды, и каждый изъ насъ чѣмъ-нибудь имъ обязанъ. Глядя на старость, мы вспоминаемъ доброе. Слабости и худое забываются при взглядѣ на сѣдину. Но не все знаютъ, что и молодость должно уважать. Она является намъ сейчасъ же съ ея страстями, вспышками и порывами на первомъ планѣ. Правда, и ее извиняютъ, приводя незрѣлость, неопытность, увлеченіе. Но у нея нѣтъ прошедшаго, а ея будущее кажется чѣмъ-то страшнымъ, по его неизвѣстности. Между тѣмъ, кто не забылъ своей молодости и изучалъ чужую, тотъ не могъ не различить и въ ея увлеченіяхъ стремленій высокихъ и благородныхъ, не могъ не открыть и въ ея порывахъ явленій той грозной борьбы, которую суждено вести человѣческому духу за дорогое ему стремленіе къ истинѣ и совершенству. Бывъ попечителемъ уни-

верситета, я поставилъ себѣ главною задачею поддерживать всѣми силами то, что я именно привыкъ любить и уважать въ молодости. Съ искреннимъ довѣріемъ къ ней, съ полною надеждою на успѣхъ, безъ страха и безъ задней мысли, я принялся за трудное, но высокое и благородное дѣло. И могъ-ли я иначе за него взяться, когда помня и любя время моего образованія въ четырехъ университетахъ, я живо вспоминалъ и тѣ стремленія, которыя меня тогда одушевляли; вспоминая, уважалъ ихъ въ себѣ. Я невольно переносилъ ихъ и на васъ и въ васъ любилъ и уважалъ то же самое, что привыкъ любить и уважать въ самомъ себѣ. И теперь, разставаясь съ вами, я объявляю гласно, что все время моего попечительства ни разу не раскаялся въ образѣ моихъ дѣйствій. Частные случаи, какъ бы они ни клонились не въ вашу пользу ни однажды не поколебали моего довѣрія къ цѣлой корпораціи студентовъ, потому что частныя проявленія неизбежнаго зла не должны, по моимъ пенятіямъ, служить причиною къ уничтоженію добра.

Я былъ приготовленъ къ тому, что меня не вдругъ вы поймете, и еще менѣе поймутъ ваши отцы или цѣлое общество. Это лежало въ порядкѣ вещей. Судягъ не по намѣреніямъ, а по результатамъ. А результаты въ такихъ дѣлахъ обнаруживаются не скоро, не безъ препятствій и не безъ толковъ, распространяемыхъ незнаемъ, близорукостью, подозрѣніемъ и мелочными страстями. Я зналъ, что истина моихъ убѣжденій разъяснится не разомъ для всѣхъ, а между тѣмъ встрѣтятся много такого, что будетъ говорить противъ меня и заслужитъ порицаніе тѣхъ, которые думаютъ перейти отъ одного порядка вещей къ другому, противоположному, измѣнивъ только внѣшнюю обстановку, или тѣхъ, которые вовсе ничего не думаютъ. Я зналъ, что немногіе раздѣляютъ мой взглядъ на университетскую молодежь и университетскую жизнь вообще, зналъ наконецъ и то, что меня будутъ обвинять въ слабости, въ неумѣи и въ гоньбѣ за популярность; но все это не могло измѣнить моихъ глубокихъ убѣжденій, не могло остановить моихъ дѣйствій, основанныхъ на любви и уваженіи къ молодости, на довѣріи къ ея благородству мыслей и стремленію къ правдѣ. Не вѣрить въ это я не могъ, потому что я не могъ ни сдѣлаться, ни казаться не мною. Это значило-бы для меня перестать жить. Я остался мною и разставаясь съ вами, уношу тѣ же убѣжденія, которыя принесъ къ вамъ, которыя никогда и ни отъ кого не скрывалъ, потому что считалъ преступнымъ скрывать начала, служившія основаніемъ моихъ дѣйствій. Надѣюсь, вы успѣли также убѣдиться, что я основывалъ мои отношенія къ вамъ на томъ же нравственномъ довѣріи, которое имѣлъ право требовать и отъ васъ, потому что дѣйствовалъ прямо, и знаю, что на молодость нельзя дѣйствовать иначе, какъ приобретаъ полное довѣріе. Вы увѣрились, полагаю, что я водворялъ между вами уваженіе къ закону, долгу и власти не угрозами, не преслѣдованіемъ, не скрытно, а прямымъ и гласнымъ убѣжденіемъ и примѣромъ. Я не приказывалъ, а убѣждалъ, потому что заботился не о внѣшности, а о чувствѣ долга, которое признавалъ въ молодости также, какъ и все другія высокія стремленія духа. Наконецъ вы, думаю, увѣрились, что для меня всѣ вы были одинаково равны, безъ различія вашихъ національностей. Въ моихъ глазахъ университетъ, служащій вамъ мѣстомъ образованія, не могъ быть мѣстомъ другихъ стремленій, кромѣ научныхъ. Поэтому-то я также искренно желалъ и вашего сближенія съ представителями науки въ университетѣ, нарушеннаго, къ сожалѣнію, временемъ и обстоятельствами. Но не различая вашихъ національностей предъ лицомъ науки, я никогда не мечталъ

о слити васъ въ одно цѣлое, избѣгать раздражать самолюбіе и навязывать вамъ такія убѣжденія, которыхъ у васъ не могло быть, потому что гишася притворствомъ и двуличіемъ. Я твердо вѣрилъ, что одно взаимное довѣріе и примѣръ водворять между вами законность и порядокъ. Законность и порядокъ упрочать нравственную свободу университетской жизни. Эта свобода разовѣсть самостоятельность и любовь къ наукѣ, которая, въ свою очередь, представитъ университетъ въ вашихъ глазахъ чуждымъ всѣхъ постороннихъ стремленій. Нѣсколько для меня знаменательныхъ фактовъ доказали мнѣ, что мои убѣжденія, мои надежды не обманули меня, и взаимное довѣріе, которое я клалъ за основу моихъ дѣйствій, обнаруживаясь не разъ, награждало мои труды и заботы. И если я заслужилъ, чтобы вы меня помнили, то это докажутъ всего болѣе тѣ изъ васъ, которые, сохранивъ въ памяти мой взглядъ на университетъ, оправдаютъ своею жизнію мое довѣріе, любовь и уваженіе къ нашей молодости. А я, разставаясь съ вами прежде, чѣмъ успѣлъ достигнуть моей цѣли, буду имѣть утѣшеніе въ томъ, что оставался вѣрнымъ моимъ началамъ, и буду счастливъ тѣмъ, что, если и не довелъ еще ни одного изъ васъ до истиннаго счастья, то, по крайней мѣрѣ, ни одного не сдѣлалъ, по моей волѣ, несчастнымъ.

Итакъ прощайте. Служите вѣрно наукѣ и правдѣ, и живите такъ, чтобы, состарѣвшись, могли безупречно вспоминать вашу и уважать чужую молодость.»

На эти слова, которыя ясно говорятъ сами за себя, отвѣчалъ студентъ юридическаго факультета, г. Сологубъ:

«Николай Ивановичъ! Разставаясь съ вами, кромѣ благодарности за ваше высоко-гуманное обращеніе, за ваше отношеніе къ намъ не какъ начальника, а доброжелательнаго, опытнаго совѣтника во всѣхъ благородныхъ намѣреніяхъ, мы благодаримъ васъ за дѣло, которое, какъ память вашего всегдашняго сочувствія къ распространенію интересовъ науки между студентами, перейдетъ къ поколѣніямъ лишеннымъ возможности развиваться при просвѣщенномъ попечительствѣ вашемъ. Дѣло это: открытіе нашей библіотеки. Вашему участію, скажемъ болѣе, вашей настойчивости, вашимъ пожертвованіямъ обязана библіотека своимъ существованіемъ. Каждый, посѣщающій лекторію, каждый, пользующійся библіотеккой, съ благодарностію вспомнитъ перваго ихъ основателя.

Мы просимъ позволенія украсить вашимъ портретомъ нашу лекторію. Кому не выпала завидная участь развиваться при вашемъ попечительствѣ, тотъ будетъ имѣть возможность, посѣщая лекторію, постоянно встрѣчаться съ портретомъ личности, которой имя съ сочувствіемъ и уваженіемъ произносится не въ одномъ нашемъ университетѣ, имя, ободряющее трудъ, постоянство убѣжденій и развитіе всего лучшаго въ человѣкѣ.

Если обязанность попечителя въ отношеніи къ университету—возбудить въ молодыхъ людяхъ любовь къ наукѣ, то обязанность эта достойно выполнена вами. Но вы сдѣлали болѣе: вы поставили насъ въ положеніе, вызвавшее болѣе самостоятельности въ каждомъ. Вы вѣрили, что мы дожили до того времени, когда предоставленіе человѣку большаго простора въ дѣйствіяхъ, уменьшеніе формальностей, доставленіе большихъ средствъ къ занятіямъ, а не принужденіе къ нимъ, дѣйствіе не приказаніемъ, а убѣжденіемъ, доставить ему болѣе вѣры въ себя и указать настоящее направленіе. Мы съ гор-

достію можемъ указать на только что сказанныя вами слова: «я никогда не раскаявался въ своихъ убѣжденіяхъ относительно васъ».

Позвольте же выразить вамъ наше глубокое уваженіе, нашу искреннюю благодарность за все сдѣланное вами для насъ. Библіотека, основанная вами, будетъ подтверждать истину того свѣтлаго воспоминанія, той симпатіи, той благодарности, которыя до тѣхъ поръ будутъ жить въ насъ въ университетѣ, пока онъ будетъ сочувствовать лучшимъ человѣческимъ и научнымъ стремленіямъ.

Намъ, лишившимся васъ, остается только пожелать продолженія вашей дѣятельности, которая вездѣ и всегда будетъ достойна вашей личности, слѣдовательно всегда полезна, всегда цѣнима всѣми, тѣмъ болѣе дорога для насъ: она напомнитъ намъ то время, когда дѣятельность эта преимущественно посвящена была намъ.

Вечеромъ того же дня происходила литературная ученическая бесѣда, послѣдняя, на которой присутствовалъ основатель бесѣдъ, да и то уже въ качествѣ гостя, а не хозяина. По окончаніи бесѣды, ученикъ 2-й гимназіи, Василій Лѣсковъ, произнесъ прощальную рѣчь, въ которой, между прочимъ, высказалъ слѣдующее:

«Вы были для насъ попечителемъ въ полномъ, истинномъ значеніи этого слова, потому что всѣ наши интересы были близки сердцу вашему и составляли предметъ постоянныхъ попеченій вашихъ. Вы всегда старались вести насъ путемъ правды и добра. *Правила о наказаніяхъ и проступкахъ*, которыя мы имѣли всегда передъ глазами, предостерегали насъ отъ шалостей, въ то-же самое время показывали намъ, что наказанія назначаются намъ не произвольно, но въ силу утвержденныхъ правилъ. Измѣненіемъ системы нашихъ экзаменовъ вы заставили насъ сознательно и постоянно заниматься предметами, и заниматься не для экзаменовъ только, но для того чтобъ усвоить то, что намъ преподавалось. Вы всегда старались способствовать нашему развитію. Однимъ изъ самыхъ дѣйствительныхъ средствъ для этого были *литературныя бесѣды*, которыя были направлены къ установленію взаимнаго обмѣна мыслей между воспитанниками и воспитателями и сближали ихъ между собою. А этого-то сближенія недоставало въ гимназіяхъ, и отсутствіе его мѣшало дѣлу воспитанія».

9-го апрѣля данъ былъ Н. И. Пирогову обѣдъ кіевскимъ обществомъ.

«Великая заслуга Пирогова, въ ряду другихъ заслугъ его, говоритъ авторъ *Описанія прощанія его съ Кіевомъ*, »и заключалась именно въ томъ, что онъ сблизилъ общество съ учебнымъ міромъ.

«При всѣхъ неблагопріятныхъ условіяхъ мѣстныхъ и временныхъ, препятствовавшихъ его дѣятельности, онъ съумѣлъ первый въ здѣшнемъ краѣ сдѣлать интересы учебнаго вѣдомства интересами общественными. Распоряженія его, какъ руководителя воспитательной части, были открыты для каждаго. Сколько-нибудь существенная мѣра всегда предавалась печати. Поэтому каждый заинтересованный въ дѣлѣ воспитанія зналъ эти мѣры и въ собственномъ домѣ, на самыхъ близкихъ, какъ выразился одинъ изъ участвующихъ на обѣдѣ, цовѣрялъ ихъ благіе результаты». Притомъ Пироговъ былъ доступенъ

какъ частное лицо для каждаго и, сверхъ того, личнымъ письменнымъ трудомъ и непреодолимымъ вліяніемъ онъ вызвалъ вокругъ къ небывалой умственной и педагогической дѣятельности. Общество, по крайней мѣрѣ мыслящая часть его, осязательно поняло, что воспитаніе не есть формальная дрессировка, удобное средство для пріобрѣтенія привилегій; оно увидѣло, что авторъ *Вопросовъ жизни* самъ, и, подѣ его вліяніемъ, окружающіе его стараются сообщить воспитанію будущихъ поколѣній характеръ жизненнаго, насущнаго вопроса. Общество поняло это и оцѣнило. Отсюда неудивительно, что вѣсть объ оставленіи Н. И-мъ должности попечителя отозвалась такъ же скорбно и съ тою же силой въ самомъ обществѣ, какъ и между учебнымъ вѣдомствомъ. Общее сочувствіе выразилось въ разныхъ формахъ: въ мысли о подискѣ, о стипендіи, въ желаніи многихъ пріобрѣсть портретъ Пирогова. Тѣ, для которыхъ онъ трудился послѣдніе два года, сознавали ясно, что теряютъ въ немъ, независимо отъ необыкновенной симпатической личности знаменитаго педагога и чловѣка, выразившаго въ себѣ лучшія, хотя, можетъ-быть, инстинктивные ихъ стремленія.

«Съ этой точки обѣдъ 9-го апрѣля представлялъ фактъ небывалый и многознаменательный.

«Едва только была заявлена мысль о гласномъ выраженіи общаго сожалѣнія отъѣзжающему, какъ готовность участвовать въ немъ выразилась отовсюду. Лица разныхъ классовъ и вѣдомствъ, военные и штатскіе, спѣшили принять участіе въ грустномъ торжествѣ. Конечно, тупое и безсильное недоброжелательство, обыкновенно сопровождающее замѣчательныя личности, пыталось и здѣсь уронить значеніе обѣда, придавъ ему далеко не такой характеръ, какой онъ имѣлъ по составу лицъ, въ немъ участвовавшихъ. Разумѣется, эти усилія остались безъ успѣха, потому что дѣло говорило само за себя. Утромъ, въ день обѣда, число участвующихъ возросло до 140 и затѣмъ приходилось уже отказывать многимъ, такъ какъ зала, выбранная для торжества, не вмѣщала въ себя болѣе посѣтителей. Оживленный и пестрый видъ представляло собраніе, когда вошелъ Н. И., сопровождаемый депутатами. Здѣсь каждый по своему спѣшилъ выразить ему свое сочувствіе, но всего опредѣленнѣе оно выразилось, разумѣется, въ рѣчахъ».

Говорили отцы семействъ, благодарившіе Пирогова за дѣтей своихъ, Еврей отъ лица своихъ соплеменниковъ, иностранецъ, высказавшій удивленіе, возбужденное въ немъ простотой обхожденія Пирогова, говорили и другіе. Не имѣя возможности помѣстить здѣсь все сказанное, приводимъ только нѣкоторые замѣчательнѣйшія мѣста рѣчей:

«Граждане города Кіева,» сказалъ Пирогову почтенный отецъ семейства и бывшій градской глава Н. С. Балабуха, «не одною славою, которая разноситъ имя ваше по всей Россіи и даже по всей Европѣ, какъ извѣстнѣйшаго благодѣтеля чловѣчества, побуждаются изъявлять вамъ свое глубокое уваженіе и душевную признательность.

«Наши дѣти, обучающіяся здѣсь въ разныхъ учебныхъ заведеніяхъ отъ университета до воскресныхъ школъ, вамъ обязанныхъ своимъ существованіемъ, возбуждаютъ насъ къ тому, потому что всѣ они питаютъ къ вамъ почтительную привязанность и часто повторяютъ имя ваше, какъ ихъ высокаго руководителя и воспитателя въ правилахъ чести, чловѣколюбія, въ духѣ правды и

истины. За нихъ-то мы почитаемъ святымъ долгомъ благодарить васъ и отъ глубины души искренно, сердечно благодаримъ, благодаримъ! Дай Богъ, чтобы добрыя сѣмена, вами и подъ вашимъ руководствомъ, достойными наставниками посѣянные въ юныхъ умахъ и сердцахъ дѣтей нашихъ, сохранились, возрастали и приносили благіе плоды любезному отечеству нашему, плоды, радующіе наше сердце.»

Г. Каценъ сказалъ:

«Не стану говорить о фактической, всѣми видимой сторонѣ вашей дѣятельности: она уже была понята и оцѣнена представителями другихъ еврейскихъ обществъ. Я останавливаюсь на сторонѣ еще болѣе свѣтлой, болѣе богатой послѣдствіями—на нравственномъ вліяніи вашей дѣятельности, отразившемся такъ благотѣльно на русскихъ Евреяхъ. Бѣдственная участь нашего народа въ средніе вѣка оставила насъ въ состояніи челоѣка, ошеломленнаго постоянными несчастіями, мучительными преслѣдованіями; мы такъ были измучены, такъ избиты, что намъ нечего было болѣе бояться, нечего было болѣе повредить въ насъ. Наученные опытомъ, мы не могли вѣрить, чтобы кто-нибудь захотѣлъ облегчить наши страданія. Новая исторія не слишкомъ много сдѣлала для того, чтобы вывести насъ изъ этого нравственнаго оцѣпенѣнія, этого гибельнаго недовѣрія ко всему не-европейскому. Правда, орудіе было другое: въ среднихъ вѣкахъ—физическая сила, въ новыхъ—низшая степень гражданскихъ правъ. Разумѣется, время и цивилизація взяли свое: образованное меньшинство успѣло примириться съ настоящимъ и съ любовью и надеждой протягиваетъ руку потомкамъ, забывъ вину предковъ; но для того, чтобы возбудить это чувство довѣрія въ массы, къ окружающей ее средѣ, нужна была личность, не только одинаково сочувствующая интересамъ всѣхъ народностей, но и привязанная къ нашему бѣдному, страдальческому племени особеннымъ чувствомъ состраданія, снисходительности къ его слабостямъ, какъ къ необходимымъ послѣдствіямъ историческаго хода событій, нужна была личность свѣтлая, высоконравственная, нужны были вы Н. И.! Вы это и сдѣлали. Ваше имя, имя Русскаго стало популярнымъ между Евреями; вы намъ дали этимъ надежду на сближеніе съ народомъ русскимъ, сближеніе, составляющее задушевное желаніе, самое искреннее стремленіе образованнаго Еврея. Вотъ подвигъ, который вы совершили, вотъ заслуга, за которую ваше имя останется вѣчнымъ памятникомъ въ исторіи развитія еврейскаго народа.»

Простыя слова Француза г. Морена, недавно пріѣхавшаго въ Россію и дивившагося благосклонному приему, которымъ удостоилъ его бывшій попечитель, оказавшійся не суровымъ и не неприступнымъ, а просто-привѣтливымъ, равно какъ и рѣчь г. Судовщикова, оставляютъ глубокое, отрадное впечатлѣніе. Вотъ-что сказалъ г. Судовщиковъ:

«На службѣ ли, въ частныхъ ли отношеніяхъ, мы видѣли въ васъ ту же неизмѣнность своимъ убѣжденіямъ и терпимость къ чужимъ, ту же независимость, ту же прямоту, то же желаніе быть полезнымъ всякому, то же довѣріе къ челоѣку, тотъ же сочувственный откликъ всему челоѣческому.»

«Мало того, кто хоть разъ побылъ въ вашемъ кабинетѣ, тотъ могъ уже заключить, что уваженіе къ челоѣку не только перешло у васъ изъ головы въ сердце, но оно усвоилось всѣмъ организмомъ вашимъ, сдѣлалось вашею

натурой, и сказалося въ каждомъ словѣ, въ каждомъ движеніи вашемъ; эти человѣчныя начала проникли въ самую манеру вашу, которую иначе нельзя назвать, какъ человѣчною.

«Генераль, учитель, профессоръ, сторожъ, гимназистъ, богатый купецъ и жалкій продавецъ спичекъ—вы встрѣчали ихъ всѣхъ равно человѣчно. Ваше естественное, даже рѣзкое прямодушіе легко отражалось на посѣтителяхъ и никто не стѣснялся совѣтоваться съ вами ни о какомъ честномъ дѣлѣ. Скажу больше: я знаю людей, которые искусственно пріискивали предлоги поиграть вамъ, только бы слышать ваше мудрое, теплое слово, только бы наглядѣться на ваше открытое, спокойное лицо.

«Какъ, повидимому, ни обыкновенны въ человѣкѣ такіа человѣческія свойства, сколько ни велико въ наше время число людей, претендующихъ на гуманность, по у насъ пока она—вещь рѣдкая, слишкомъ рѣдкая.

«Отдаемъ все должное гуманнымъ людямъ нашимъ—и все-таки не можемъ не замѣтить, что одинъ изъ нихъ подавляетъ тебя своимъ ученымъ авторитетомъ и высокомернымъ взглядомъ на всякое противорѣчіе, другой видимо рисуется гуманностью въ серьезномъ кружкѣ и показываетъ свое общественное положеніе въ коммандной гостиной, третій отдѣляется чиновническою вѣжливостью отъ всѣхъ, кромѣ интимныхъ пріятелей, четвертый наконецъ, при случаѣ, просто подымаетъ плечи и щеголяетъ украшеніемъ на шеѣ.

«А впрочемъ все это передовые люди наши, представители нашего образованія, всѣ они такъ убѣдительно говорятъ о гуманности вообще и такъ добросовѣстно умиляются собственною.

«Бѣда только въ томъ, что головная гуманность не даетъ общаго настрой ихъ жизни, не проходитъ сквозь ихъ житейскія отношенія.

«Вина всему, очевидно, заключается не въ самихъ личностяхъ, а въ той необразованной средѣ, гдѣ воспитались онѣ; не умѣя возвыситься надъ нею нравственно и сохранивъ многіе недостатки большинства, лучшія личности наши успѣли возгордиться потому только, что нашли мало подобныхъ себѣ по умственному развитію.

«Вы, Н. И., смѣло можете находить еще меньше подобныхъ себѣ, вы больше другихъ оказали услугъ обществу, вы имѣете много внутреннихъ и вѣшнихъ отличій, вы наконецъ родились въ той же необразованной средѣ.

«Какъ же вы успѣли раздѣляться съ мелочною спѣсью даже лучшихъ людей нашихъ?

«Какъ же вы остались такъ гуманны на дѣлѣ, такъ просты душою, такъ естественны со всякимъ человѣкомъ?

«Кто же виною тому?

«Конечно, не русская жизнь—она успѣла испортить много и лучшихъ людей—а ваша собственная нравственная личность, высокая и простая, какъ все высокое. Она-то одинаково человѣчно выражается и въ общественной дѣятельности и въ вашихъ личныхъ, ежедневныхъ отношеніяхъ; она-то вызвала къ вамъ симпатію даже тѣхъ людей, которые почти не знали васъ, какъ человѣка.»

Какъ ни ярко изображаютъ характеръ дѣятельности и личныя свойства Николая Ивановича приведенныя нами слова присутствовавшихъ на обоихъ обѣдахъ, но яснѣе и нагляднѣе основныя начала си-

стемы его отразились въ краснорѣчивомъ и мудромъ словѣ самого знаменитаго гостя.

«То, что мнѣ теперь предстоитъ,» сказалъ онъ, обращаясь къ своимъ собесѣдникамъ, «сходно съ тѣмъ, что для меня прошло.

«Позднюю весной, послѣ продолжительной и суровой зимы, я буду орать и засѣвать мои поля (*), запущенныя, засоренныя плевелами и съ закопавшеюся вблизи саранчей.

«Я буду трудиться въ потѣ лица, буду разрыхлять и очищать землю; постараюсь сдѣлать все какъ-можно рациональнѣе, замѣню крѣпостной трудъ свободнымъ, буду обходиться и съ рабочими какъ съ людьми вольными, а не крѣпостными.

«Но, разумѣется, законовъ природы и необходимости этимъ не измѣню.

«Растаявшій ледъ превратится въ потоки воды, которые во многихъ мѣстахъ разнесутъ мои сѣмена; саранча выведется тамъ, гдѣ она не была разрушена плугомъ и воздухомъ; рабочіе не сразу поймутъ, что для нихъ лучше такъ работать, чѣмъ по прежнему.

«И можетъ-быть мои труды и заботы не удадутся на первый разъ. Это, конечно, не остановитъ меня, потому что я знаю, отчего сразу не можетъ все идти хорошо.

«Но найдутся, безъ сомнѣнія, и тутъ люди, которые скажутъ, что причина, почему у меня не все взошло, не потоки воды, разнесшіе мои сѣмена, не ледяная кора, покрывавшая слишкомъ долго землю, и даже не саранча, которая закопалась еще до меня, а то, что я началъ обрабатывать мои поля не по прежней рутинѣ и слишкомъ скоро замѣнилъ крѣпостной трудъ свободнымъ.

«Бывъ попечителемъ, я также оралъ и засѣвалъ мое поле позднюю весной, едва оттаявшее отъ лучей вѣшняго солнца; на немъ была еще ледяная кора; въ немъ была закопавшаяся саранча; трудъ не былъ свободный и прибыльный для обѣихъ сторонъ.

«Мудрено ли, что могли и тутъ найдтись такіе, которые не въ законахъ необходимости, не въ порядкѣ вещей искали причину, почему мое поле не такъ скоро дало обильную жатву?

«Но неужели же я долженъ былъ остановиться, слушая толки и не вѣря болѣе въ то, что зналъ вѣрно; неужели долженъ былъ измѣнить весь планъ моихъ дѣйствій, промѣнять рациональность и здравый смыслъ на рутину и бессмыслие?

«Кѣмъ былъ бы я тогда въ глазахъ передовыхъ людей, мнѣніемъ которыхъ дорожу, и главное,—кѣмъ былъ бы я тогда въ собственныхъ глазахъ моихъ?

«Теперь, когда я начну у себя хозяйничать, я долженъ буду прежде всего позаботиться о кредитѣ. Мнѣ необходимо довѣріе тѣхъ, съ кѣмъ я буду вести мои дѣла.

«Но если кредитъ и взаимное довѣріе теперь необходимы для меня, какъ для будущаго хозяина: то не болѣе ли они мнѣ были нужны, когда я былъ попечителемъ?

«Что могъ я сдѣлать существеннаго, не заслуживъ сначала полного нравственнаго довѣрія тѣхъ, которыхъ главная обязанность проводить убѣжденія и тѣхъ, на кого я долженъ былъ дѣйствовать путемъ убѣжденія?

(*) Н. И. уѣзжалъ въ деревню.

«Вотъ это-то полное, нравственное довѣріе я и старался всѣми силами водворить и между старыми, и между молодыми. Но для этого я долженъ былъ дѣйствовать прямо и откровенно. Въ краѣ, гдѣ постоянно нужно сообразоваться съ различіемъ національностей, я не могъ не быть ровень и одинаковъ со всѣми и строго безпристрастенъ, желая добра и правды всѣмъ безъ различія.

«Въ моихъ глазахъ попечитель есть не столько начальникъ, сколько миссіонеръ. Онъ долженъ не приказывать, а убѣждать. Иначе, въ трудныхъ обстоятельствахъ, когда ему понадобится серьезный трудъ его подчиненныхъ, когда нужно будетъ слышать воззваніе къ ихъ чувству долга и законности, къ благородству и достоинству челоѣка, онъ не можетъ рассчитывать ни на себя, ни на другихъ.

«Таковъ мой взглядъ. Онъ не могъ не казаться страннымъ и даже, можетъ быть, опаснымъ. Я это очень хорошо зналъ всегда. Но не мною я быть не могъ. И мнѣ оставалось идти, не отступая, предоставивъ Провидѣнію рѣшить что крѣпче: препятствія ли, которыя я долженъ былъ встрѣтить, или я самъ.

«Слѣдя моему взгляду, мнѣ нужно было дѣйствовать и на учащуюся молодежь и на самихъ наставниковъ. Общество, отцы, сограждане имѣли полное право требовать отчета въ моихъ дѣйствіяхъ: хвалить и порицать.

«А тогда можно ли было обойтись обществу, составленному изъ нѣсколькихъ національностей, безъ разнорѣчій, ложныхъ слуховъ и неправильныхъ толкованій?

«Но долженъ ли я былъ имъ подчиниться и исказить мой образъ дѣйствій для того только, чтобъ утѣшать себя обманчивою тишиною, пассивнымъ безмолвіемъ и кажущимся порядкомъ?

«Ученіе и распространеніе научныхъ истинъ я считалъ за священнодѣйствіе и глубоко уважалъ истинныхъ наставниковъ. Но и въ слабыхъ я чтилъ челоѣческое достоинство и личность. Въ молодыхъ людяхъ я любилъ и уважалъ молодость, потому что хорошо помнилъ свою.

«На этомъ уваженіи, которое я заявлялъ открыто и гласно, основывалъ я и то взаимное, нравственное довѣріе наставниковъ и учащихся, которымъ начиналъ уже пользоваться, но не для себя, а въ интересахъ университета и цѣлаго общества этого края.

«Я твердо зналъ, что необдуманные порывы молодости и поступки, противорѣчащіе законамъ нравственности, будутъ исчезать сами собою по мѣрѣ того, какъ возрастетъ еще сильнѣе довѣріе, а съ нимъ вмѣстѣ и значеніе нравственной власти.

«Я зналъ, что гдѣ господствуетъ сила убѣжденія, тамъ исчезаетъ произволъ съ его волнующими слѣдствіями.

«Я не могъ дожидаться этого счастливаго времени; но вамъ, мм. гг., членамъ общества, предстоитъ, если вы вполнѣ раздѣляете мои взгляды и сочувствуете моимъ убѣжденіямъ, поддержать данное мною направленіе вашимъ мнѣніемъ, вашимъ просвѣщеннымъ содѣйствіемъ и любовью къ общему благу.»

Весьма замѣчательна рѣчь М. В. Юзефовича, бывшаго помощника попечителя кievскаго округа:

«Настоящее собраніе, независимо отъ прямой своей цѣли, есть фактъ весьма утѣшительный: оно доказываетъ, что у насъ есть уже элементы для высшихъ требованій жизни, есть достаточно развитія для сознанія главныхъ ея интересовъ, есть, слѣдовательно, способность идти впередъ. Дѣятельность

Н. И. Пирогова была здѣсь такова, что ее не могла бы осмыслить неподвижная рутина; насъ же собрало здѣсь сознательное сочувствіе къ знаменитому двигателю отечественнаго просвѣщенія.

«Оставленіе имъ этого поприща отзовется, безъ сомнѣнія, грустнымъ чувствомъ во всей мыслящей Россіи. Тѣмъ грустнѣе оно для тѣхъ, кто могъ воочию слѣдить за его дѣятельностію.

«Конечно, не всѣ у насъ одобряли систему Пирогова. Многіе, смотря на воспитаніе съ формальной его стороны, не могли примириться съ тѣми явленіями, которыя неизбѣжны на поверхности всякаго переворота, и не дождавшись результатовъ, по нагляднымъ признакамъ, осуждали самую систему. Такова судьба всѣхъ реформаторовъ. Переходъ отъ одного порядка къ другому никогда не совершается ровнымъ шагомъ и потому всегда сопровождается недовѣріемъ, опасеніемъ, обвиненіями. Одинъ только передовой вожатый идетъ мѣрнымъ, твердымъ шагомъ и приводитъ къ цѣли, если ему не мѣшаютъ.

«Педагогическая система Н. И. Пирогова была глубоко задумана и обдуманна. Она была разсчитана вѣрно, скажу болѣе, она одна вѣрна, если мы хотимъ серьезно покончить съ старою рутиной.

«Согласуясь съ требованіями современнаго у насъ движенія, Пироговъ вмѣстѣ съ тѣмъ, и въ мысли, и въ совѣсти, имѣлъ въ виду не уклоняться отъ параллели общаго хода у насъ вещей. Гражданская честность его была такъ строга, что онъ не только не считалъ такого уклоненія позволительнымъ, но называлъ его преступленіемъ. Я привожу его собственныя слова, сказанныя въ искренней бесѣдѣ. Такой взглядъ на гражданскія свои обязанности онъ и формально подтвердилъ, дважды заявивъ программу своего управленія.

«Отмѣченъ долженъ быть въ лѣтописи русскаго народнаго просвѣщенія тотъ день, въ который Пироговъ призванъ былъ на педагогическое поприще. Тогда еще общее мнѣніе встрѣтило автора *Вопросовъ жизни* съ полными надеждами и ожиданіями. Но когда его дѣятельности, заявившей уже себя въ Одессѣ, стеченіе обстоятельствъ открыло здѣшнее, болѣе широкое, поле, тогда всѣ люди благомыслия привѣтствовали это событіе, какъ начало новой эры въ исторіи нашего общественнаго образованія. И они не обманулись. Здѣсь знаменитый дѣятель неутомимо, съ настойчивостію доконченныхъ убѣжденій, приступилъ къ осуществленію своихъ преобразовательныхъ плановъ. Не выходя изъ круга существующихъ постановленій, онъ внесъ въ этотъ кругъ всѣ новыя начала, какимъ былъ возможенъ въ него доступъ: восстановление значенія педагогическихъ совѣтовъ, по закону имъ принадлежавшаго, введеніе конкурсовъ для выбора преподавателей, принятіе въ основу воспитанія начала законности, все это вмѣстѣ придало ходу какъ учебной, такъ и воспитательной части, новое направленіе, конечно только приготовительное, но оживившее прежнюю учебную рутину и выведшее наши воспитательныя заведенія изъ разряда чисто-дисциплинарныхъ учреждений. Будучи убѣжденъ въ нравственномъ безсиліи дисциплинарной системы и въ воспитательной неэффективности повиновенія безъ убѣжденія, онъ прежде всего желалъ утвердить воспитательный авторитетъ на безусловномъ довѣріи воспитываемыхъ, и начавъ, собственнымъ примѣромъ, съ признанія права въ самомъ ребенкѣ, этимъ путемъ повелъ юношество къ сознанію значенія и обязанностей человека и гражданина. Много прекрасныхъ началъ пробудилось въ юныхъ душахъ съ тѣхъ поръ, какъ дали имъ свободу распахнуться. Но при

этомъ, разумѣется, юная жизнь не могла воздержаться отъ прыжковъ и скачковъ перваго увлеченія, что и дало поводъ къ опасенію и недовѣрію, о которыхъ я упомянулъ выше.

«Дѣйствуя положительными мѣрами тамъ, гдѣ было можно, онъ въ то же время разработалъ и выяснилъ множество педагогическихъ вопросовъ, общихъ и частныхъ, какъ въ своемъ циркулярѣ, такъ и въ другихъ повременныхъ нашихъ изданіяхъ. Въ числѣ этихъ работъ есть въ особенности одна, которая привнесла къ жизни, если не въ наше время, то въ будущемъ, потому что вѣрная идея, вызванная на свѣтъ, никогда не погибаетъ. Я разумѣю планъ нижнихъ и среднихъ учебныхъ заведеній, составленный имъ въ отвѣтъ на проектированный у насъ новый уставъ этихъ заведеній и разрѣшающій одну изъ важнѣйшихъ и труднѣйшихъ задачъ нашего времени, именно: примиреніе двухъ образованныхъ направленій—общечеловѣческаго съ реальнымъ. Съ удивительною простотою здравой логики разрѣшаетъ нашъ педагогъ этотъ капитальный вопросъ,—съ тою простотою, которая доступна лишь гениальнымъ умамъ.

«Но трудно было Н. И. совершить здѣсь спокойно свою педагогическую реформу. Въ учебныхъ заведеніяхъ дѣшняго края совмѣщаются двѣ разнородныя и разнохарактерныя національности. Борьба между ихъ началами пока еще неустраима. Хотя Н. И. формально устранялъ отъ себя этотъ вопросъ, какъ чуждый чисто-воспитательнымъ цѣлямъ, какъ вопросъ, сверхъ того, не разрѣшающійся воспитательными приемами, что доказалъ тридцатилѣтній нашъ опытъ, а зависящій отъ воздѣйствія другихъ умиряющихъ способовъ; но, тѣмъ не менѣе, этотъ посторонній вопросъ мѣшалъ правильному развитію системы, стѣсняя во многомъ свободу дѣйствій педагога.

«Онъ, однакожъ, велъ къ разумному разрѣшенію и эту трудную задачу дѣшняго университета. Онъ оставляетъ поприще въ ту самую минуту, когда приготовительныя мѣры давали уже ему возможность перейти къ самой организации студентской общины, хотя, впрочемъ, въ этомъ отношеніи, онъ желалъ радикальной реформы.

«Намъ остается скорбѣть, что такая глубокозадуманная дѣятельность не успѣла совершить всего своего подвига и водворить въ нашей жизни новыя начала общественнаго воспитанія.

«Какъ близкій свидѣтель дѣйствій Н. И. Пирогова и какъ человѣкъ, имѣющій всѣ данныя для сравненія прошедшаго съ настоящимъ, я утверждаю положительно, что и въ неполной мѣрѣ своего развитія система его достигла результатовъ, достаточныхъ для оправданія своей состоятельности, именно: она достигла возбужденія педагогической дѣятельности въ наставникахъ и любви къ образованію въ учащихся, возвышенія научныхъ требованій со стороны студентовъ и, наконецъ, несомнѣннаго улучшенія въ общемъ нравственномъ направленіи молодежи, виѣ увлеченія стремленіями, независящими отъ воспитанія.

«Каждый, кому дорого отечественное благо, проводитъ Н. И. Пирогова съ чувствомъ глубокаго уваженія и благодарности за услуги, оказанныя имъ, словомъ и дѣломъ, нашему просвѣщенію, и каждый долженъ обратиться къ нему съ желаніемъ и просьбой, чтобъ онъ и на покой, въ тиши уединенія, не оставлялъ безъ помощи вопросовъ, отъ рѣшенія которыхъ зависятъ всѣ наши судьбы, вся наша будущая исторія.

«Выпьемъ же, мм. гг., въ лицѣ нашего Пирогова, за здоровье міроваго ученаго гениальнаго мыслителя, знаменитаго педагога и образцоваго гражданина!»

Въ заключеніе, приведемъ слова автора *Описанія Прощанія* о послѣднихъ проводахъ Н. И.

«Пироговъ выѣхалъ изъ Кіева 15-го апрѣля въ 8 часовъ вечера. Уже съ 3-хъ часовъ пополудни большая толпа (отъ 200 — 300) студентовъ, гимназистовъ, многихъ лицъ учебнаго вѣдомства и весьма многихъ жителей города, пѣшкомъ и въ экипажахъ ожидала у зданія первой гимназіи минуты, чтобы сказать послѣднее *прости* искренно любимому и цѣнному человеку. Еще большая толпа (отъ 700—800) заранѣе отправилась на дачу Санъ-Суси (на 7-й верстѣ отъ города) съ тою же цѣлью. Тамъ, между собравшимися, было много и дамъ, лишенныхъ доселѣ возможности принять участіе въ выраженіяхъ общаго сочувствія къ Николаю Ивановичу.

«Въ 8 часовъ онъ вышелъ съ своимъ семействомъ и отовсюду слышались крики сожалѣнія и разлуки. Еще въ воздухѣ раздавались слова «прощайте, помните насъ,» а уже почтовый экипажъ уносилъ изъ Кіева человека, память котораго будетъ долго и долго жить въ немъ. Длинный кортежъ всякаго рода экипажей потянулся до Санъ-Суси за тарантасомъ Пирогова. Когда пріѣхали,—уже совершенно стемнѣло. Можно было только рассмотреть, что на пространствѣ $\frac{1}{4}$ версты по шоссе все было занято народомъ и экипажами. Воздухъ огласился снова криками сожалѣнія. Ожидавшіе остановили экипажъ Пирогова; онъ долженъ былъ выйти и сказать нѣсколько прощальныхъ словъ людямъ, захотѣвшимъ почтить и послѣднія минуты пребыванія его въ Кіевѣ. Онъ благодарилъ всѣхъ за участіе, ему выраженное, напомнилъ въ короткихъ словахъ то, о чемъ подробно говорилъ на первомъ и второмъ обѣдахъ, напомнилъ о непреходящемъ царствѣ идеи, гдѣ онъ не перестанетъ еще встрѣчаться съ любящими его, простился со всѣми, обнявъ въ лицѣ одного всѣхъ присутствовавшихъ, и при единодушныхъ крикахъ искренней любви, уваженія и сожалѣнія, отправился далѣе по дорогѣ къ Бердичеву. Большинство возвратилось въ городъ; но многіе еще провожали его до станціи и болѣе счастливые сказали ему послѣднее «прощайте.»

Въ Бердичевѣ, Н. И. оказанъ былъ также горячій пріемъ. Признательные Евреи и здѣсь, какъ и въ Кіевѣ, выражали ему свои чувства, за благородныя заботы объ ихъ просвѣщеніи и за тѣ чело-вѣчныя отношенія, которыя Н. И. соблюдалъ къ нимъ самъ, и въ которыя другихъ умѣлъ поставить.

Въ заключеніе, прибавимъ, что Н. Ив. Пироговъ принялъ на себя должность *міроваго посредника*. Кто не согласится съ нами, что едва ли къ кому-другому больше пристало это благородное званіе и едва ли кто-другой лучше Н. Ив-ча исполнитъ этотъ трудный, высокій подвигъ... Какъ было-бы полезно, еслибъ великій педагогъ сообщилъ во всеуслышаніе свои наблюденія въ новой сферѣ жизни...

НЕДОРАЗУМѢНІЕ

по поводу слова «Жидъ».

Мы получили письмо, въ которомъ дѣлаютъ намъ незаслуженный упрекъ. Вотъ что, между прочимъ, пишетъ г. П—въ:

«Я былъ увѣренъ, что въ программу «Основы» не входило намѣреніе оскорблять кого-нибудь. На дѣлѣ вышло иначе...

«Позвольте мнѣ объяснить. Всего годъ, какъ я кончилъ университетское образованіе, и въ продолженіи шести лѣтъ, имѣлъ счастье, вмѣстѣ съ лучшими своими товарищами, посѣтить русскіе университеты (Харьковскій, Кіевскій и Казанскій). Я вступилъ въ университетъ въ прежнее время. Тогда еще въ университетахъ раздавалась гнусная кличка «жидъ», и этой кличкой часто называли студента еврейскаго исповѣданія. Но, съ обновленіемъ Россіи, эта кличка исчезла изъ университетовъ. Многочисленные мои товарищи подчасъ уже обозначали этимъ *паричательнымъ* словомъ вообще всякого плута и мошенника,—все равно, былъ ли онъ еврейскаго, католическаго или православнаго исповѣданія. Значитъ, молодое поколѣніе дальше васъ шагнуло. Оно отрѣшилось отъ національныхъ узкихъ предразсудковъ и отличаетъ человека по его личнымъ достоинствамъ, а не по вѣрѣ. Признаюсь, я радовался этому совершенному примиренію молодого поколѣнія и былъ счастливъ, что это совершилось на моихъ глазахъ. Радостная вѣсть эта разносилась нами во все концы Россіи. Русская литература заявила себя въ томъ же духѣ и давно отрѣшилась отъ слова *жидъ*. Вдругъ являетесь вы съ журналомъ, гдѣ хотите пробудить средневѣковую вражду, еле-еле задремавшую; вы хотите возратить свой народъ (по-крайней-мѣрѣ въ этомъ отношеніи) ко временамъ *Богдана*. Скажите на милость, неужели вамъ это доставить душевное удоволь-

ствіе, когда разъяренная чернь проведетъ свой неумолимый ножъ по тысячамъ несчастныхъ жертвъ и кровь почти полумилліона Евреевъ безвинно прольется по Украинѣ?... Или вы хотите имѣть побольше подписчиковъ, обязавшись лстить грубымъ и черствымъ натурамъ разныхъ Ивановъ Ивановичей и Ивановъ Никифоровичей? Если — да, то я васъ посѣщу увѣрить въ слѣдующемъ. Вы учились давнымъ-давно, а я только—что оставилъ университетъ. Молодое поколѣніе Малороссовъ, сочувствуя вашей *Основѣ* во всемъ другомъ, нисколько не раздѣляетъ отсталыхъ понятій относительно Евреевъ. Въ послѣдніе годы, студенты русскихъ университетовъ научились отличать Евреевъ и не клеймить ихъ болѣе позорнымъ словомъ «жидъ». Слѣдовательно, выраженія: «жидъ, жидова», и тому подобныя, уже не производятъ теперь того эффекта, какой производили они во времена Оаддея Венедиктовича Булгарина и К°. Напрасный трудъ, ложный путь!...

«Далѣе. Я имѣлъ счастье, вмѣстѣ съ своими товарищами православнаго исповѣданія, посѣтить и тюрьмы. Странно, что нашъ слухъ нигдѣ не былъ оскорбляемъ никѣмъ изъ зрителей, вахтеровъ, унтеровъ, ефрейторовъ и другихъ бывшихъ при насъ въ крѣпостяхъ, тюрьмахъ и острогахъ. А тутъ пришлось встрѣтиться съ этимъ милымъ эпитетомъ, послѣ долговременной разлуки, въ вашемъ журналѣ. Отъ души жаль!

«Вы, конечно, легко поймете, что раздраженный тонъ моего письма порожденъ чувствомъ *глубоко-оскорбленнаго самолюбія*. Нельзя же иначе. И я умоляю васъ—не оскорблять насъ больше. Неужели вамъ это трудно? Согласитесь, что если образованные молодые люди изъ Евреевъ оскорбляются этимъ прозвищемъ, то вамъ, какъ редактору, слѣдуетъ избѣгать его. Кто-жъ изъ Евреевъ этимъ не оскорбляется, тотъ ничѣмъ не оскорбится.

«Во имя успѣха вашего журнала, во имя благоденствія Украины, отъ имени Евреевъ, оскорбленныхъ гнусными выраженіями вашего журнала, умоляю васъ замѣнять ихъ впередъ нашимъ національнымъ именемъ. И только вѣра въ благородство вашихъ цѣлей и стремлений побуждаетъ меня просить васъ объ этомъ письменно, а не печатно, не гласно ⁽¹⁾. Въ подтвержденіе своей правоты, ссылаюсь на судъ

⁽¹⁾ Только ложь и зло любятъ скрываться, а мы не мыслимъ ни того, ни другого, и пользуемся этимъ случаемъ, чтобъ отвѣтить всѣмъ, кто удостоить наше откровенное мнѣніе своимъ вниманіемъ.

университетовъ и въ-особенности на голосъ нашего великаго учителя, котораго вы, вѣроятно, знаете. Можете передать ему мои претензіи. Знакомый съ студентами—Евреями, онъ васъ увѣритъ, насколько вашъ журналъ несовремененъ въ этомъ отношеніи.

«Я надѣюсь, что вы удовлетворите нашей просьбѣ и тѣмъ обяжете всю сочувствующую вамъ еврейскую молодежь, а въ-особенности меня, Еврея.»

Мы почли своею обязанностью отвѣчать на это письмо печатно, въ томъ предположеніи, что мнѣніе, высказанное г. П—вымъ, (котораго человѣчности и любви къ своимъ соплеменникамъ мы искренно сочувствуемъ), вѣроятно, раздѣляютъ и другіе Евреи.

Положа руку на сердце, мы можемъ смѣло сказать, что насъ меньше тронуло обидное предположеніе о служеніи своимъ интересомъ посредствомъ угожденія средневѣковымъ понятіямъ, нежели то, что кто-либо оскорбленъ выраженіемъ, употребленнымъ въ «Основѣ», будто-бы *умышленно, изъ вражды и презрѣнія къ какому бы то ни было племени на землѣ*. Смѣю увѣрить почтеннаго моего обвинителя и вообще всѣхъ Евреевъ, сочувствующихъ намъ и не сочувствующихъ,—просвѣщенныхъ и непросвѣщенныхъ сознаніемъ братства всѣхъ безъ-исключенія людей,—что никогда враждебное къ еврейскому племени чувство не входило въ «Основу», что мы не считаемъ себя вправѣ оскорблять *кого бы то ни было*; что явленія, въ родѣ избіенія Евреевъ во времена *Богдана* и *Максима*, представляются намъ печальнѣйшими симптомами разстроеннаго общественнаго организма; что, по нашему глубокому убѣжденію, никакія, повидимому, добрыя послѣдствія подобныхъ болѣзненныхъ содроганій не искупаютъ того зла, которое наносится другимъ и самимъ-себѣ местию для мести, жестокостью и убійствомъ; что уваженіе и справедливость къ *человѣку*, а тѣмъ-болѣе къ *племени, народу и народности*, легло въ основаніе нашей «Основы», и что только *одно это начало* оправдываетъ ея появленіе и существованіе; что мы вѣруемъ только въ силу и плодотворность одной *правды*, безъ которой, пока она не станетъ главнымъ двигателемъ человѣческихъ отношеній, не можетъ осуществиться идеаль человѣческаго общества,—а правда не мирится съ враждой и неуваженіемъ къ человѣческой личности;—что если мы надѣемся на успѣхъ, то единственно въ силу этого начала, которому никогда и ни для чего не измѣнимъ; и что, наконецъ, если мы (естественно) ждаемъ для «Основы» больше подписчиковъ, то во имя то-

го, что она служить на пользу самопознанія, просвѣщенія, справедливости и любви, а ужъ никакъ не вражды, избытокъ которой долго еще будетъ и безъ насъ ощущаться въ нашемъ обществѣ, на каждомъ шагѣ и каждый часъ ⁽¹⁾.

Но признавая общія начала, искренно и горячо желая осуществленія ихъ въ жизни, мы не должны забывать, что стоимъ на исторической, обусловленной извѣстною минутой и обстоятельствами, почвѣ; что эти начала, близкія, понятныя и убѣдительныя для насъ, еще долго будутъ неубѣдительны для массы, которая живетъ настоящею дѣйствительностью, фактомъ и каждую минуту ощущаетъ на собственной спинѣ его давленіе.

Держась исторической почвы, рассмотримъ безпристрастно недоразумѣніе относительно употребленія слова *жидъ*.

Слово *жидъ*, родственное латинскому *Judaeus*, нѣмецкому и французскому *Jude* и *Juif* и польскому *Zyd*, ни по словопроизводству, ни по смыслу своему, ни по значенію іудейскаго племени въ ряду прочихъ племенъ, нисколько не уступаетъ названіямъ *Еврей* ⁽²⁾ и *Израильтянинъ* ⁽³⁾. Имя *Жида*, т. е. Іудея, только позднѣйшее (появилось не за тысячи — какъ другія два, — а за сотни лѣтъ до Р. Х.), по значенію его одно и то же съ значеніемъ Израильянина и Еврея.

Автору писемъ, вѣроятно, неизвѣстно, что Малороссы стали называть издавна и теперь называютъ Евреевъ *жидами* не въ презрительномъ, бранномъ, оскорбительномъ смыслѣ, а точно также, какъ Великороссіяны называли и называютъ Москалями, Поляковъ —

(1) Быть-можетъ, кому-нибудь покажется смѣшно, что мы публично исповѣдаемъ руководящія насъ начала по поводу писемъ, написаннаго въ раздраженіи самолюбія изъ-за слова (никогда, впрочемъ, нами лично неупотребленнаго) *жидъ* вмѣсто *еврей*. Намъ, напротивъ, грустно, что такъ мало взаимнаго пониманія между людьми, что 5 книжекъ журнала было недостаточно для уясненія другъ другу нашего взгляда; что г. П — въ, съ своимъ университетскимъ образованіемъ и знакомствомъ съ текущей литературой, нуждается, съ нашей стороны, въ разъясненіи, и чуть не съ угрозой предъявляетъ свои требованія къ украинскимъ писателямъ, у которыхъ встрѣтилъ слово *жидъ* и которые между тѣмъ, въ числѣ первыхъ, печатно протестовали въ «Русскомъ Вѣстникѣ» противъ несправедливаго поступка «Иллюстраціи» съ г. Горвицемъ.

(2) Отъ слова *Геберъ*, —которое означаетъ—*по ту сторону* (народъ, обитающій по ту сторону Евфрата), или—какъ нѣкоторые думаютъ—имя одного изъ ветхозавѣтныхъ патріарховъ.

(3) Происходящій отъ Израила.

Ляхами; что другого слова, для названія еврейскаго племени, они почти и не знаютъ. Слово это пришло въ Южную Русь, вмѣстѣ съ еврейскимъ населеніемъ, изъ Польши, гдѣ и до сихъ поръ служитъ народнымъ названіемъ не только у Поляковъ, но и у *самыхъ Евреевъ*. Даже въ ту эпоху, когда Евреи, подъ покровительствомъ польскихъ пановъ, пользовались на Украинѣ, такими (невѣроятными) правами и привилегіями, какихъ не имѣлъ цѣлый классъ южнорусскаго народа, — названіе *жидъ* употреблялось не только въ разговорномъ, но и въ официальномъ языкѣ самихъ пановъ-покровителей. Г. П.—въ можетъ найти многочисленныя подтвержденія нашихъ словъ въ актахъ стараго и новаго времени, въ которыхъ нерѣдко встрѣчаются слѣдующія выраженія: «объявляемъ симъ аренднымъ листомъ нашимъ, что мы отдали въ аренду *славному пану Абраму Шмойловичу, жиду Турейскому* и потомкамъ его наше наследственное имѣніе». (Памяти. изд. Кіевскою Коммисією, т. III., отд. II, стр. 68—70). Самое значеніе этого акта и слова не намекаетъ ни малѣйшей чертой на что-нибудь поносное для Еврея (это, конечно, хорошо извѣстно и автору письма).

Наша южно-русская литература ведетъ свое начало и почерпаетъ свои силы непосредственно отъ народа: основаніемъ ей послужили народные памятники изустной словесности; украинскіе писатели вышли или прямо изъ среды народа, или, будучи оторваны отъ него сословнымъ воспитаніемъ, — съ пробужденіемъ сознанія возвратились къ народу и долго не только изучали его, но и учились у него сами. Оттого-то языкъ и содержаніе нашей литературы вполнѣ народны. Ясно, поэтому, что украинскій писатель, желая оставаться вѣрнымъ основному началу своей литературы, не долженъ, въ противность своей народности, вносить въ литературный языкъ, безъ нужды, новыя слова. Всякій малороссъ могъ бы упрекнуть г. Кулиша въ бесполезномъ нововведеніи, еслибъ онъ въ своей *Хмельницинѣ* сталъ употреблять вмѣсто *жидъ* слово *еврей*. Ученый, занимающійся изученіемъ старой украинской жизни, также не можетъ избѣгать слова *жидъ*, потому что вся старая южно-русская письменность только и знала это слово для обозначенія еврейскаго племени, и всякое, приведенное въ подлинникѣ мѣсто акта, лѣтописи, думы, пѣсни, касающееся Евреевъ, будетъ содержать это слово. Вотъ почему тѣ писатели, которые протестовали противъ «Иллюстраціи», употребляютъ между-тѣмъ слово *жидъ*, отнюдь не соединяя съ этимъ име-

немъ другаго значенія, кромѣ прямого. Южно-русскій поэтъ Шевченко, котораго никто не можетъ упрекнуть во враждѣ къ какой бы то ни было народности, произведенія котораго проникнуты негодованіемъ противъ всякихъ притѣсненій и несправедливостей, но не противъ народовъ, — также употребляетъ это слово. Еслибы г. П—въ сообразилъ эти факты, то, — мы думаемъ, — онъ не сталъ бы, въ пылу раздраженнаго, Богъ вѣсть почему, *самолюбія*, упрекать насъ, въ томъ, будто бы мы хотимъ пробудить средневѣковую вражду къ еврейскому племени, — будто мы желаемъ возвратить свой народъ ко временамъ *Богдана!*? Воображеніе такъ далеко увлекло г. П—ва, что ему чудится даже разъяренная *чернь*, которая «проведетъ свой неумолимый ножъ по тысячамъ *несчастныхъ жертвъ*», т. е. Евреевъ, и все это потому только, что въ «Основѣ» допущено слово *жидъ*, которое постоянно, въ теченіе вѣковъ, произносилось и произносится 12-милліоннымъ населеніемъ. Г. П—въ домогается, чтобы мы, ради его народности, отказались отъ своего народнаго слова... а почему бы г. П—ву не подумать, въ это время, и о нашей народности, которая имѣетъ же свои права, и прежде всего — право говорить тѣмъ языкомъ, какимъ она всегда говорила?... Послѣ этого Полякъ станетъ требовать, чтобы южно-русскіе писатели, въ своихъ народныхъ произведеніяхъ, называли его Полякомъ, а не Ляхомъ, какъ называлъ его народъ, для котораго они пишутъ. Подобныя притязанія, съ гораздо большимъ правомъ, могъ бы предъявить и *Нѣмецъ* (такъ-какъ это слово происходитъ, вѣроятно, отъ *нѣмой*), а — чего добраго! — и Татаринъ, на томъ основаніи, что этимъ именемъ Малороссъ называетъ иногда недобраго человѣка. Что касается до насъ лично, то мы согласились бы, въ этомъ отношеніи, на самыя широкія уступки... но что въ томъ пользы? «Розу какъ ни назови — она все-таки будетъ розой.»

Мы знаемъ, что народъ нашъ, отличающійся терпимостью вообще и вѣротерпимостью въ-особенности, смотритъ на Еврея несовѣтмъ дружелюбно, и что — поэтому, а не по чему другому — слово *жидъ*, въ устахъ его, означаетъ и человѣка, о которомъ народъ невысокаго мнѣнія, — извѣстный нравственный образъ котораго не возбуждаетъ къ себѣ особенной расположенности. Винить ли въ этомъ народъ... Представьте же себѣ, что въ нашей печати слово *жидъ* исчезло; и неужели вы думаете, что съ изгнаніемъ его изъ южно-русской литературы измѣнится и взглядъ народа на еврейское племя? Развѣ перерожденіе понятій и убѣжденій можно совершить пу-

темъ мелкихъ, теоретическихъ уступокъ, не служащихъ ни къ чему, кромѣ минутнаго удовлетворенія щекотливому самолюбію и болѣзненной раздражительности? Развѣ не смѣшно обольщать себя тѣмъ, что, съ переменной названія, хоть на волосъ улучшатся отношенія народностей? Дѣло такъ важно! Оно требуетъ, чтобы люди, искренно готовые служить дѣлу, занялись его сущностію, а не виѣсностію, опустили до глубины, добрались до источника зла, и не думали, что, переимѣняя названія предметовъ, шагаютъ впередъ.

Въ народѣ образовалось невыгодное о Евреяхъ мнѣніе вслѣдствіе тѣхъ притѣсненій, которыя онъ когда-то вытерпѣлъ отъ нихъ. Вотъ-что онъ-самъ повѣствуетъ о своихъ прежнихъ отношеніяхъ къ Еврею:

Якъ одѣ Кумівщини да до Хмельнищини,
Якъ одѣ Хмельнищини да до Брянщини,
Якъ одѣ Брянщини да до сѣго-жѣ то дня,
Якъ у Земли Кралевскій да добра не було:

Якъ жиди—рандарі
Всі шляхи козацькі зарандовали,
Що на одній милі
Да по три шинки становили,—
Становили шинки по долинахъ,
Заводили щоглі по високихъ могилахъ.

Ище-жѣ то жиди-рандарі
У тому не перестали:
На славній Україні всі козацькі торги зарандовали
Да брали мито-промито:
Одѣ *возового*
По пів-золотого,
Одѣ *нішого-нішенниці* по три денежки мита брали,
Одѣ неборака-старця
Брали кури да яйця,
Да ище питае:
«Чи нема, котикъ, ще цого?»

Ище-жѣ жиди-рандарі
У тому не перестали:
На славній Україні всі козацькі церкви зарандовали:
Которому бѣ то козаку, альбо мужику, давѣ Богъ дитину появили,
То не йди до попа благословитьца,
Да пійди до жиди-рандаря, да положѣ шостаѣ,

Щобъ позволивъ церкву одчинити,
Тую дитину окрестити.

Ище-жъ то которому бъ то козаку, альбо мужику, давъ
Богъ дитину одружити,

То не йди до попа благословитьця,
Да пійди до жида-рандаря, да положъ битий *тарель*,
Щобъ позволивъ церкву одчинити,
Тую дитину одружити.

Ище-жъ то жида-рандарі

У тому не перестали:

На славній Україні всі козацькі реки зарандовали:

Перва на Самарі
Друга на Саксані,
Третя на Гнилій,
Четверта на Пробійній,
Пьята на речці Кудесці.

Который-бъ то козакъ, альбо мужикъ, исхотівъ риби вловити,
Жинку свою зъ дітьми покормити:

То не йди до папа благословитьця,
Да пійди до жида-рандаря да поступи ёму часть оддать,
Щобъ позволивъ на річці риби вловити,
Жинку свою зъ дітьми покормити.

(Записки о Южной Россіи, П. А. Кулиша, 1856 г. т. II стр. 58.)

Изображенныя въ народной думѣ отношенія измѣнились. Но до сихъ-поръ еврейское племя живетъ особнякомъ среди южно-русскаго населенія; до-сихъ-поръ оно не имѣетъ ничего общаго съ нашимъ народомъ и не сдѣлало ни одного шага къ сближенію съ нимъ, а, напротивъ не рѣдко дѣйствуетъ противно духу и пользамъ нашего народа. Для націи ничего не можетъ быть вреднѣе, какъ существованіе посреди нея другихъ народностей, которыя держатъ себя всторонѣ и равнодушны къ ея судьбамъ, или—что еще хуже—стремятся подчинить ее своей власти, или своему вліянію. Взаимное сближеніе, просвѣщеніе понятій, измѣненіе вредныхъ общественныхъ отношеній—вотъ то дѣло, которому съ пользою и успѣхомъ могутъ посвятить себя люди, желающіе послужить своему народу. Вмѣсто того, чтобъ тратить свои силы въ тщетныхъ спорахъ и несправедливыхъ притязаніяхъ, лучше постараемся, отложивъ въ сторону всяческое самолюбіе, внимательно и безпристрастно изслѣдовать зло во

всѣхъ его проявленіяхъ; тогда мы откроемъ причину и средства, тогда мы достигнемъ и до взаимнаго пониманія другъ друга,—а «пониманіе есть начало примиренія». Будемъ не словами только,—не однимъ бездѣятельнымъ сочувствіемъ, а самимъ дѣломъ слѣдовать Н. Ив. Пирогову, этому наставнику и руководителю на этомъ пути,—и, несмотря на предразсудки, несмотря на всѣ—повидимому—непреодолимыя трудности, представляемыя дѣйствительными, настоящими, отношеніями, мы успѣемъ больше сдѣлать, нежели сдѣлало бы повсемѣстное исчезновеніе названій и прозвищъ, непріятныхъ для чьего-либо народнаго самолюбія.

Не отказываясь, за своихъ сотрудниковъ, отъ употребленія, въ *Основѣ*, народнаго слова *жидъ*, мы съ своей стороны искренно желаемъ дѣйствительнаго сближенія народностей всегда готовы и словомъ и дѣломъ тому содѣйствовать. Зная, какъ даровито еврейское племя, какими богатыми способностями оно надѣлено къ нѣкоторымъ въ особенности родамъ дѣятельности, мы убѣждены однакожъ, что только то развитіе его будетъ прочно и благотворно для Южной Руси, которое выйдетъ изъ потребностей нашей страны и народа и найдетъ въ немъ сочувствіе. Всякое явленіе, въ этомъ духѣ, мы встрѣтимъ съ искреннею радостію и любовію, подобно тому, какъ мы порадовались, узнавъ объ участіи кіевскихъ студентовъ евреевъ въ устройствѣ воскресныхъ школъ.

Ред.

КОНЦЕРТЪ 27 АПРѢЛЯ,

(сборъ съ котораго былъ предназначенъ на покупку земли для родственниковъ Т. Гр. Шевченка.)

Въ южно-русскомъ вѣстникѣ я надѣюсь найти мѣсто своему, хотя и запоздалому, сужденію объ артистическомъ явленіи, въ которомъ преобладала украинская народная музыка, и съ которымъ соединялась мысль о помощи семейству дорогаго поэта, который такъ понималъ, такъ любилъ и такъ часто пѣвалъ свои родныя пѣсни.

Почти два мѣсяца прошло со дня концерта 27-го апрѣля, но желая быть какъ-можно справедливѣе и безпристрастнѣе, мы нарочно не торопились печатно высказывать свое мнѣніе, прислушиваясь къ устнымъ и печатнымъ толкамъ другихъ *за* и *противъ*... Толковъ этихъ было довольно, и они находили себѣ отзывъ въ газетахъ: одно это уже свидѣтельствуетъ, что концертъ въ значительной степени возбудилъ вниманіе.

Подобный нашему, (по-преимуществу—украинскому), концертъ изъ славянской музыки, въ память знаменитаго Чеха, В. В. Ганки, (данный въ университетской залѣ 23-го марта), подъ управленіемъ одного прославленнаго пьяниста и плохаго — (по-крайней-мѣрѣ для народной славянской музыки)—дирижѣра, прошелъ почти незамѣтно. Съ послѣднимъ звукомъ «Комаринской», Глинки, — (пѣсы, поставленной, въ программѣ и исполненной послѣднею, слѣдовательно, по обыкновенію, въ заботахъ о развѣздѣ—недослушанной), съ послѣднимъ звукомъ этого концерта, замерло и впечатлѣніе отъ него. И никто объ немъ ни слова...

Многіе украинцы ушли съ этого концерта весьма неудовлетворенные, и вотъ почему. Не вдаваясь въ разборъ достоинствъ и недостатковъ исполненія, укажемъ на составъ программы: большая часть

пѣсъ, слабо, безъ воодушевленія исполненныхъ, принадлежала къ *ученой* музыкѣ; народной—и то только чешской и польской—было мало, и притомъ ни одной *народной* пѣсни великорусской, ни сербской, ни самой мелодической славянской пѣсни — украинской... Такъ ли слѣдовало поминать знаменитаго народолюбца, автора тутъ же спѣтой, по музыкѣ Воячка, пѣсы — *národy ne hásnau?*

Эта-то исключительность (или недогадливость?) и была поводомъ неудовольствія многихъ, но, вмѣстѣ, навела на мысль о концертѣ, въ которомъ бы отозвалась и народная музыка Славянъ юговосточныхъ. Задумали это украинцы, незадолго предъ тѣмъ глубоко опечаленные утратой своего вѣчнопамятнаго *батька Тараса*, и потому, естественно, въ концертѣ первое мѣсто должна была занять народная украинская пѣсня: хотѣли помянуть поэта, напомнить о его семействѣ и познакомить съ южнорусскими напѣвами тѣхъ, кто не имѣлъ случая ихъ слышать. — Признаемся, это намѣреніе намъ показалось очень смѣлымъ: гдѣ средства, гдѣ исполнители и слушатели для народной *южной* музыки въ *сѣверной* столицѣ? Для гостиниой можно, пожалуй, найти и здѣсь то и другое, но для концертной залы??—да, это было слишкомъ смѣло...

Но — *концертъ* въ большой залѣ дворянскаго собранія состоялся, и при такомъ стеченіи слушателей, что сбора было достаточно не только на покрытіе значительныхъ расходовъ по устройству концерта, и даже на подарки нѣкоторымъ артистамъ — не-украинцамъ, заслужившимъ особенную признательность, но и на сбереженіе суммы для доброй цѣли. Значить—мысль объ украинскомъ концертѣ нашла сочувствіе въ обществѣ; объ этомъ концертѣ, повторяемъ, толковали, спорили—это тоже не дурной знакъ,—хотя бы сужденія нѣкоторыхъ были и неблагопріятны... Чтобъ показать, въ какой степени справедливы неблагопріятныя сужденія, необходимо вспомнить тѣ затрудненія, которыя слѣдовало преодолѣть для устройства концерта.

Главнымъ затрудненіемъ было то, что никто не счелъ себя вправѣ, и не вызвался, быть распорядителемъ по *музыкальной* части концерта, хотя каждый, кто сочувствовалъ мысли концерта и кому позволяло время, принималъ на себя часть заботъ распорядителя,—а заботъ этихъ было не мало: надо было ознакомить незнавшихъ украинскаго языка и народной нашей музыки, — мало вѣровавшихъ въ успѣхъ—артистовъ и любителей, — съ новымъ въ Петербургѣ предметомъ, выбрать и доставить ноты пѣсенъ и, насколько было возможно, въ ко-

роткое время передать исполнителямъ манеру народнаго пѣнія, — эту живую прелесть естественности, исключаящую всякую манерность, напряженность, чуждыя прикрасы, и т. д.

Когда, наконецъ, артистами и любителями были выбраны: для концерта: любимая Т. Гр. увертюра «Вильгельма Теля» и другія партіи изъ украинской и не-украинской музыки, земляки наши обратились, за совѣтомъ въ выборѣ пѣсенъ къ любителямъ народныхъ мотивовъ, (въ томъ числѣ и къ П. А. Кулишу), а затѣмъ къ извѣстному знатоку музыки, А. Н. Сѣрову, (разрабатывающему украинскія пѣсни для «Ос-новы»), съ просьбой восполнить составъ концерта нѣсколькими хорами. А. Н. принялъ на себя этотъ трудъ съ живѣйшимъ сочувствіемъ, и арранжировалъ два превосходныхъ украинскихъ хора—мужской и жен-скій, и одинъ сербскій военный хоръ, прибавивъ къ программѣ от-лично-оркестрованннй маршъ, Франца Листа, изъ симфоніи его, на поэму Байрона «Мазепа». Бывшій въ это время, въ Петербургѣ, землякъ нашъ, извѣстный пчеловодъ и любитель музыки, Як. Ив. Косте-нецкій, указалъ на фантазію, составленную, Авкс. Ив. Тарновскимъ, въ 40-хъ годахъ, изъ украинскихъ мотивовъ, подъ названіемъ *По-косарщина*. Поименованныя пьесы, составили существенную часть концерта, вмѣстѣ съ слѣдующими украинскими народными пѣснями:

1) *Зелѣнькій барвіночку, стеліся низенько*, и 2) *Ой вийду я на шпилечокъ*, исполненныя г-жею Леоновою; 3) *Чи я въ лѣзі не каліна була*,—г-жею Леонтьевою; 4) *Стоить яворъ надъ во-дою*,—г-мъ Артемовскимъ; 5) *Ой крикнула лебедонька изъ-за філі вирипінючи* и 6) *Ой дівчина по грибі ходила*, — г-мъ Чумачев-скимъ; 7) *Ой не шумі, лїже!* и 8) *Ой ходивъ чумаць*, — г-мъ Ревуцкимъ; 9) *Ой тамъ на моріжку Поставлю я хижку* и 10) *Ой на річці та на дощечці*, — женскимъ хоромъ; 11) *Ой Морозе, Морозенку!*—мужскимъ хоромъ.

Чтобъ дать нашимъ читателямъ полный отчетъ о крайне-разно-гласныхъ мнѣніяхъ, возбужденныхъ этимъ концертомъ, выпишемъ главѣйшіе печатные объ немъ отзывы, а въ заключеніи предста-вимъ и собственный нашъ взглядъ.

Въ 95 № (1 мая) *Сѣверной Пчелы*, въ фельетонѣ, сказано:

«Въ-особенности замѣчателенъ былъ концертъ, данный въ четвер-токъ, въ залѣ дворянскаго собранія, съ благотворительною цѣлю, на покупку земли родственникамъ покойнаго академика, Тараса Григорье-вича Шевченка. Большая часть пьесъ этого концерта, какъ и долж-

но ожидать, состояла изъ малороссійскихъ мелодій и пѣсень, изъ которыхъ лучшія для мужскаго и женскаго хора и оркестра принадлежали таланту г. Сѣрова. И чудно—торжественно звучали эти пѣсни, и какая—то особенная интонація слышалась въ нихъ, при сознаніи цѣли, съ которою раздались онѣ подъ сводами залы благороднаго сословія, при воспоминаніи о томъ, что благостояніе семейства даровитаго многострадальнаго поэта будетъ куплено лишь цѣною его преждевременной смерти и что эта земля, въ которой, можетъ—быть, навсегда успокоятся его останки, можетъ отнынѣ называться единственною его собственностью, трехъ—аршиннымъ владѣніемъ, на необозримой поверхности Россіи! Всѣ, кому болѣе или менѣе была дорога память Шевченка, присутствовали на этомъ концертѣ, и не мало глазъ были какъ—то особенно маслянисты и влажны, и чудились, быть—можетъ, многимъ и слышались, быть—можетъ, среди заунывныхъ, глядящихъ душу, малороссійскихъ напѣвовъ, иные напѣвы—не роднаго украинскаго языка, а напѣвы, приличные настоящему случаю, умиляющіе, сглаживающіе всѣ общественныя разстоянія.»

По странной игрѣ случая, именно въ томъ же номерѣ, но не въ фельетонѣ, помѣщено письмо П. А. Кулиша къ издателю газеты, съ самымъ неодобрительнымъ приговоромъ о концертѣ, объ исполнителяхъ, и вообще о людяхъ, которые, не будучи патентованными украинцами, таковыми именовать себя смѣютъ. Приводимъ это характерное письмо вполнѣ:

«Одна изъ печальныхъ слабостей покажетъ малочисленнаго украинскаго общества—это величаться своимъ украинствомъ передъ людьми, мало знакомыми съ предметомъ. У насъ много господъ, которые, воображая себя знатоками малороссійскаго языка, превозносятъ похвалами даже такія вещи, какъ *Энеида*, *Котляревскаго*, или какая—нибудь повѣсть, очевидно, написанная ресепіагомъ сауса. Эти господа, смѣло выдавая себя за истинныхъ украинцевъ, несмотря даже на фальшивыя ударенія въ словахъ, поддерживаютъ въ публикѣ заблужденія объ украинской поэзіи. Они, возглашая изустно и тиская посредствомъ равнодушнаго ко всему станка всякую чепуху подъ названіемъ украинской поэзіи, профанируютъ строгій характеръ и вкусъ украинскаго народа.

«Такъ поступили они и съ концертомъ, предназначеннымъ на покупку земли родственникамъ покойнаго поэта, Шевченка. Мы давно слышали о приготовленіяхъ къ этому концерту, давно видѣли озабо-

ченныя лица. Хотя мы и знали по опыту, какъ эти господа несостоятельны въ понятіяхъ объ истинно-украинскомъ, объ истинно-народномъ, но составъ концерта и распоряженіе практическою его частью превзошли все наши горестныя ожиданія. *Выбраны* были пѣсни *худшія изъ худшихъ* по напѣвамъ и содержанію; если же *попамъ* въ концертъ какими-то судьбами и *прекрасныя* произведенія народной музыки, то были изуродованы анти-народнымъ выполненіемъ. Призываю на судъ весь русскій міръ: что за идея, что за поэзія въ слѣдующихъ словахъ, столь же ничтожныхъ въ подлинникѣ, какъ и въ переводѣ: «Дѣвушка ходила за грибами и заблудилась въ зеленомъ лѣсу; пришла она къ зеленому дубу. Здѣсь я буду почевать. Я думала, что это зеленый дубъ, а нѣ это молодой козакъ. Ой козакъ—повѣса, выведи меня изъ зеленого лѣса, Когдабъ ты меня не звала повѣсою, я вывелъ бы тебя изъ зеленого лѣсу»,—и только! (?) Но одинъ изъ пѣвцовъ, г. Артемовскій, одолжилъ насъ еще больше: онъ одной народной пѣснѣ придалъ собственный анти-украинскій напѣвъ, а вмѣсто другой—спѣлъ бездушный и уродливый романсъ г. Виктора Забѣлы, въ которомъ есть такіе поэтическіе стихи:

А коли сѣго не зробишь,
Кинь мене у море.

Это, видите ли, поэтъ обращается къ вѣтру, которому онъ завидуетъ, потому что вотъ—моль—

Ревешъ, вітре, та не стогнешъ,
Бо тобі не тяжко:
Ти не знаешъ въ світі горя,
Такъ тобі й не вѣжко.

Да, хорошо бы и намъ было вооружиться подобнымъ безчувствіемъ! а то намъ было не только *тяжко*, но и *важко*, слушать эту пошлую тарабарщину, *выдаваемую нашими знатоками* Украины за поэзію въ народномъ духѣ. И какъ это обидно, что *подобный вой* раздается надъ могилою поэта, который такъ чисто, такъ благородно понималъ вкусъ народной поэзіи (*)!»

(*) Каждому, надѣмся, ясно, что мы говорили собственно только объ украинской части концерта. Что касается до прочихъ пьесъ, то онѣ были выбраны и исполнены превосходно. Намъ очень жаль, что не-украинскіе пѣвцы и пѣвицы довѣрчиво вообразили, что имѣютъ дѣло съ *знатоками* народной музыки, а тѣ своими совѣтами уничтожили въ ихъ пѣніи то, что было бы для насъ дороже,—уничтожили характеръ народной музыки, который, будучи строго вы-

Вслѣдъ за этимъ отзывомъ, въ томъ же совершенно тонѣ, слышался голосъ въ правдивой (но—безъ ея вины—не въ настоящемъ случаѣ) *Современной Лѣтописи Русскаго Вѣстника*, голосъ враждебный не столько къ концерту, сколько къ распорядителямъ: (въ число ихъ, прикрывшійся обманчивымъ именемъ, авторъ, вѣроятно, попасть не могъ по какой-нибудь основательной причинѣ). Вотъ-какъ повѣствуетъ г. Тыминъ Львенко-Маренко:

«27 апрѣля, мы были на давно-ожидавшемся малороссійскомъ концертѣ. Признаемся, судя по долгому приготовленію и громаднымъ издержкамъ на этотъ концертъ, мы ожидали встрѣтить если не что нибудь необыкновенное, то по крайней мѣрѣ соотвѣтствующее великолѣпному содержанію афиши. Но каково же было наше разочарованіе, когда мы положительно не нашли ни того, ни другаго. вмѣсто малороссійскихъ піесъ, мы слышали нѣчто такое, чего нельзя назвать ни русскимъ, ни малороссійскимъ. Прекраснѣйшая хоровая пѣня «Морозенко» и другая, женская, «веснянка», до-того были обезображены, что ихъ нельзя было узнать. Последнюю скорѣе можно было принять за извѣстную пѣсню: «Ахъ на что было огородъ городить» (которой достоинство мы, впрочемъ, совѣмъ не хотимъ унизить, да никто и не можетъ), чѣмъ за очаровательную музыку нашей родины. А г. Артемовскій не удовольствовался даже коверканьемъ мотива,—онъ переначивалъ и самыя слова... Изъ всѣхъ піесъ сноснѣе другихъ, и то относительно, была пѣсня *чумака*, исполненная г. Ревуцкимъ. Самый выборъ піесъ доказываетъ, что у гг. распорядителей музыкальной части концерта вкусъ слишкомъ неизящный... Однимъ словомъ, неуспѣхъ былъ полный. То-то наживутся родственники Тараса Григорьевича на землѣ, купленной распорядителями на деньги, вырученныя отъ концерта! Изъ трехъ цѣлей его: 1) почтить память незабвеннаго поэта, 2) ознакомить публику съ украинской музыкой, 3) и самая главная, выручить деньги на покупку земли для родственниковъ покойнаго, —положительно ни одна не была достигнута...»

Между тѣмъ, опять въ той же *Сѣверной Пчелѣ* (№ 107, 15 мая) зазвучала, согласно съ приведеннымъ фельетономъ, восторженно-хвалебная пѣснь концерту и въ-особенности нѣкоторымъ исполнителямъ (по правдѣ заслужившимъ горячую признательность украинцевъ за

держанъ, перенесъ бы наши души въ нашу милую, поэтическую родину. Судя по ихъ обработаннымъ и прекраснымъ голосамъ, мы думаемъ, что они, при другомъ руководствѣ, выполнили бы свое дѣло вполне удовлетворительно. И. К.

радушное участіе). Изъ этой статьи, написанной авторомъ симпатическихъ стиховъ, сказанныхъ надъ гробомъ Т. Гр. Шевченка, П. Н. Таволгою — Мокрицкимъ, выпишемъ нѣкоторые характеристическія мѣста:

«Желая чѣмъ-нибудь отозваться на только-что замершій голосъ любви, земляки Шевченка, устроили 27 апрѣля, концертъ, съ цѣлю услышать родные звуки пѣсенъ, въ которыхъ вылилась вся чувствительная душа южно-русска, или украинца, вся радость и тоска его, все высокія побужденія души, которыя родили такъ много прекрасныхъ чувствъ и думъ въ сынахъ Украины. Шевченко, котораго душа отзывалась на все изящное, особенно на звуки, самъ пѣлъ превосходно и любилъ пѣсни украинскія до увлеченія. Въ память его, земляки пожелали дать концертъ, достойный своей пламенной, нѣжной любви къ домашнему крову, — оправдать, осмыслить эту любовь передъ братьями своими, великоруссами.

«Концертъ начался увертюрою «Карлъ Смѣлый».

«Соло и украинскія пѣсни выполняли любители: гг. Чумачевскій, Ревуцкій и г-жа Леонтьева, а также артисты: г-жа Леонова, г. Артемовскій и г. Никольскій.

«Послѣ каждого исполненія задушевныхъ мотивовъ, не сочиненныхъ въ кабинетахъ, а вылетѣвшихъ въ народъ изъ сердца безискусственно, подъ вліяніемъ чувства, которое оттого такъ свѣжо и бессмертно, публика рукоплескала. Г. Артемовскій былъ вызванъ два раза. Появленіе г-жи Леоновой въ бѣломъ платьѣ, съ зеленымъ вѣнкомъ на головѣ, было встрѣчено бурей аплодисментовъ, долго неутихавшихъ. Г. Вителаро началъ прелюдію къ украинской пѣснѣ (которую должна была исполнить артистка. Публика съ большимъ вниманіемъ устремляла на эстраду глаза, прислушиваясь что споетъ Леонова на нарѣчій ей чуждомъ; что создастъ изъ звука, неполучившаго еще законнаго права, бродячаго сироткой подъ плетнемъ, — которому искусство не подало еще дружелюбно руки, не привело въ свѣтлицу, не усадило на приличномъ мѣстѣ...

«Г-жа Леонова совершенно правильно по-украински пропѣла слѣдующія трогательныя слова, выражающія плачъ «дівчини», случайно отыскавшей могилу отца:

«Ой вийду я за гаєчокъ,
Та гляну я на долину,
Долина глибока, калина висoka,
Ажъ до землі віття ги́ття,
А въ менѣ, дівчини, въ менѣ, молоді,

Річенькою слёзи ллю́тця.
 Під тією калиною
 Висо́кая моги́лонька: —
 Моги́ла висока и яма глибо́ка —
 Коза́цькая по́стїлонька;
 У тїй у моги́лі, вь хо́лодній по́стїлі
 Лежи́ть ба́тенько на́ш мїлий....
 Ой Тарасе, голу́боньку!
 Кїну́в менє сво́ю до́ньку,
 Кїну́в усіх до́чок—сі́зих голу́бочокъ,
 И старє́ньку на́шу нє́ньку.
 Розсту́піся зє́мле—подиви́сь на мє́не,
 Якъ пла́чу я, дївчино́нька...

«Всякій пойметъ, что не легко сразу овладѣть выговоромъ, интонаціею, духомъ языка, приложить все это къ обстоятельству, требующему извѣстнаго выраженія каждаго слова и звука. Но г-жѣ Леоновой ни что нетрудно. Ее, какъ перлами, осыпали рукоплесканиями и возгласами, въ которыхъ наблюдательное ухо легко могло примѣтить отраду и благодарность украинцевъ, необыкновенное, истинное удовольствіе всей публики. Послышалось множество «bis! bis!» Она снова вышла и—о ужасъ украинцевъ!— вмѣсто повторенія той же трогательной пѣсни, начала игривую пѣсенку:

«Зеленє́нький барвіно́чку,
 Стелї́ся низє́нько,
 А ти, мї́лий, чо́рнобрї́вий,
 Прису́нься близє́нько;
 Зеленє́нький барвіно́чку,
 Стелї́ся ще нї́жче,
 А ти, мї́лий, чо́рнобрї́вий,
 Прису́нься ще блї́жче.

«Я видѣлъ ясно, какъ нѣкоторые увлажненные глаза во мгновение измѣнили выраженіе, блеснувъ недружелюбно. Но во второмъ куплетѣ:

Не стє́летця барвіно́чокъ —
 Ко́рень посиха́є;
 Не дї́витця коза́ченько —
 Тя́женько зди́хає.
 Ой, чо́гожъ ти одверну́вся,
 Мій о́рле-коза́че?
 Глянь на мене веселє́ньку —
 Я смію́ся... й пла́чу...

она начала вводить солидный тонъ, растягивая мотивъ и придавая голосу, таинственность—и тотъ же веселый мотивъ, который въ украинской пѣснѣ всегда имѣетъ грустный оттѣнокъ, принявъ другой характеръ. Въ этомъ тонѣ она, изобразивъ неизмѣнное чувство козака къ его милой:

«Дівчиночко, пташиночко,
Щебетушечко!
Співай мені, кажи мені,
Говорішечко!»

окончила безотраднымъ воцлѣмъ козака:

«Співай що хочь, кажи що хочь —
Не чую я гласа —
Ні словами, ні слезами
Не вернешь Тараса!»

«Неожиданность эта была эффектна и выразилась сильнѣйшею признательностью публики; на многихъ глазахъ блестѣли слезы.

«Настроение публики было прекрасное,—непеременное, невянутое, сердечное.

«Г. Стровъ, который, несмотря на свои разнородныя занятія, не можетъ не быть артистомъ—композиторомъ, понялъ высшимъ чутьемъ новый рудникъ разнообразной русской музыки и оркестровалъ въ видѣ опыта, мужескую и двѣ женскія пѣсни—веснянки для хора. Первая сочинена на смерть воинственнаго Морозѣнка, выражающая мощь духа сотоварищей его, поющихъ какимъ-то рокотомъ, катящимся по степи. Двѣ женскія составляютъ второй хоръ, раздѣленный на двѣ разнородныя части: въ первой рисуется граціозно дѣвушка, которой походка сравнена съ струею воды, льющейся тихо по камешкамъ; во второмъ, игривымъ, для разнообразія, мотивомъ, представлена также юная красавица, сидящая на дощечкѣ въ водѣ; она плещется, какъ рыбка, потомъ одѣвается на зеленой травкѣ и, любуясь собою, весело припѣваетъ (къ своимъ черевичкамъ:)

«Сежъ мені пан-отѣць покупівъ,
Щобъ хоро́ший молодѣць полюбівъ,
А панчішки (чулочки) пані-матка дала,
Щобъ хоро́ша я панінка бу́ла.»

«Третій хоръ, положенный г. Стровымъ (сербская пѣсня,) также прекрасно оркестрованъ, какъ и прочіе. При исполненіи хоровъ съ акомпанементомъ оркестра, г. Стровъ былъ вызванъ публикою.

«Встрѣча г. Никольскому была шумнымъ всплескомъ моря при налетѣвшемъ ураганѣ.

«Онъ исполнивъ романсъ: «Скажите ей!» очаровательно.

«Оркестръ исполнилъ маршъ изъ симфонической фантазіи «Мазепа», сочиненіе Фр. Листа, и другую очень милую вещь «Покосарщина», фантазію для скрипки, на украинскіе мотивы, соч. Авксентія Тарновскаго. Звонъ косъ, какъ ихъ острятъ въ косовицу, придуманный кстати композиторомъ,—прелестный букетъ мотивовъ, такъ близкихъ сердцу,—перенесли насъ изъ блестящей залы на зеленый безконечный коверъ родины, надъ которымъ, какъ лампы, висятъ въ воздухѣ жаворонки, составляя обширный хоръ Создателю.... Звуки, свѣжесть степей, солнце родины!—ахъ, вы ничѣмъ незамѣнимы!... Недостаетъ вамъ одного: Леоновой и Никольскаго!

«Г—жа Леонова и г. Никольскій, исполнили дуэтъ «Непекушай меня» музыка великаго Глинки. Послѣ этого дуэта, будто вся зала обрушилась на нихъ, но они ушли невредимы, какъ отмѣченные судьбою воины среди кипящаго боя.

«Г. Никольскій прекрасно закончилъ впечатлѣніе, исполнивъ: «Его ужъ нѣтъ!» величественно, съ высокою любовью.

«Концертъ этотъ, не смотря на свои маленькіе недостатки, которые бываютъ вездѣ и повсемъ, особенно при новости дѣла и скорости исполненія его, можно назвать необыкновеннымъ. Онъ похожъ былъ на свѣтлый майскій день среди зелени и цвѣтовъ, среди звуковъ, которыми дышетъ вся природа.

«О! не завидую вамъ, мужи велемудрые, операторы всякого чувства! въ самый усовершенствованный лорнетъ вы проглядите его. Сколько наслажденій вы лишены, если не забѣгаетъ къ вамъ порѣзвиться это дитя Божіе, если не отдохнетъ вашъ утомленный, суетный взоръ на чистой лазури глазъ его, на улыбающейся, свѣженькой его головкѣ! Это дитя имѣетъ такое же законное мѣсто въ нашей душѣ, какъ и старшія его сестры—мысли, которыя, въ отсутствіи этого чистаго *Веніамина*, остаются пусты, холодны...

«По окончаніи концерта, благодарность г. Сѣрову была выражена съ восторгомъ.

«Г—жа Леонова вышла изъ уборной комнаты, и оставшаяся часть публики аплодировала ей, идя чрезъ всю залу. Каждый просилъ оторвать ему цвѣтокъ или листикъ изъ ея букета. Мы чувствовали, что,

не смотря на новыя положенія, закрѣпостила насъ окончательно эта русская боярыня родныхъ звуковъ, такъ-сказать, вздоховъ нашей души.»

Наконецъ, тамъ же (25 мая, № 116) встрѣчаемъ еще двѣ статьи по поводу концерта 27 апрѣля: одна—П. Н. Т.—Мокрицкаго, другая—Ао. В. Марковича. Вторую,—съ которою нельзя вполнѣ не согласиться всякому, кто безпристрастно, но съ теплымъ участіемъ отнесся къ концерту, — мы помѣщаемъ отъ слова до слова; изъ первой же статьи, которая представляетъ скорѣе рѣзкое возраженіе П. А. Кулишу, нежели критическую оцѣнку артистическаго явленія, мы извлечемъ немногое, оставляя въ сторонѣ обстоятельства, не идущія къ самому предмету и не подлежащія частному, личному суду.

Вотъ отзывъ г. Марковича:

«Много говорили и писали объ этомъ концертѣ и толки о немъ еще не окончились. Онъ очень далекъ, конечно, отъ совершенства; но и бранить его намъ кажется дѣломъ неблагодарнымъ. Одна искренность и теплота отношенія къ нему его участниковъ, особенно г. Сѣрова и г-жи Леоновой, придаютъ ему такія прекрасныя симпатическія достоинства, какими не похвалятся многіе и многіе концерты.

«Участіе А. Н. Сѣрова въ этомъ концертѣ было весьма важно. Оно состояло въ аранжировкѣ на хоры и оркестръ трехъ малороссійскихъ народныхъ пѣсенъ и одной сербской; въ составленіи программы концерта также онъ участвовалъ, хотя и не могъ здѣсь быть самостоятельнымъ, получивъ для программы выбранныя самими исполнителями пѣсни и готовые соображенія, болѣе или менѣе обязательныя, частныхъ лицъ, хлопотавшихъ объ этомъ концертѣ.

«Въ составленіи самихъ хоровъ, столько оживившихъ концертъ, г. Сѣровъ былъ парализованъ неблагоприятными случайностями и неудачами: писавъ партитуры, онъ не имѣлъ подъ рукой инструмента; не могъ провѣрить переписанныхъ партій; не имѣлъ возможности присутствовать на спѣвкахъ, и едва попалъ, случайно, на репетицію, кончившуюся за часъ передъ концертомъ. Винить въ этомъ кого бы то ни было нельзя, потому, что *главныхъ распорядителей по концерту вовсе не было*. Самъ г. Сѣровъ, по независимости своего характера, конечно, не обращался къ кому нибудь за тѣмъ, за чѣмъ, по всей справедливости должны были къ нему обращаться. А. Н. Сѣрову остаются не упрёки, а полнѣйшая, глубочайшая благодарность искреннихъ друзей Шевченка и истинныхъ почитателей его великой

памяти. Нашему критику музыкальному, котораго имя съ почтеніемъ произносится въ музыкальной Германіи, и даровитому композитору, какимъ онъ вдругъ обнаружилъ себя передъ нами, принадлежитъ теперь честь первой значительной ученой разработки народной украинской музыки; ему же и наша горячая любовь на всю жизнь, живая струя той любви, какую каждый украинецъ питаетъ къ чарующимъ, глубокимъ, задумчивымъ пѣснямъ своей милой родины.

«И тѣмъ выше заслуга г. Строва, чѣмъ онъ сознательно утверждаетъ, что работу свою, по ея снѣжности и, слѣдовательно, неудовлетворительности, считаетъ не иначе, какъ предварительною, почти черновою, и тѣмъ обязательнѣе для каждаго признаніе этой заслуги, что выполненіе этихъ малороссійскихъ пѣсень въ концертѣ оставляло еще многого желать. Композиторъ не только-что не имѣлъ времени поправить ошибки, вкравшіяся въ партіи или придать выдержку и энергію инструментамъ и голосамъ, но изъ опасенія, чтобы не сбить исполнителей на единственной пробѣ, имѣвшей мѣсто передъ самымъ концертомъ, не могъ поправить даже собственныхъ ошибокъ; напримѣръ, не могъ ускорить такта въ мужскомъ малороссійскомъ хорѣ и въ первой половинѣ первой пѣсни женскаго хора, уничтожить поставленныхъ въ срединѣ пѣсень ферматъ, сообщившихъ имъ какой-то для нихъ чуждый, отчасти театральный, характеръ. Что же касается самихъ исполнителей хоровъ, то съ ихъ голосами и добрымъ вниманіемъ къ дѣлу можно было многого достигнуть. Затѣмъ ужъ почти лишнее жалѣть о томъ, что слоги словъ въ хоровыхъ украинскихъ пѣсняхъ кое-гдѣ не были разставлены подъ соответственными имъ нотами, а въ пѣніи недоставало вольныхъ и смѣлыхъ переливовъ, требуемыхъ характеромъ исполненія пѣсень самимъ народомъ. По стѣсненному времени, несправедливо обвинять кого бы то ни было, ни благосклонныхъ артистовъ, ни усердныхъ, но чуждыхъ иногда другъ другу, любителей, и всего менѣе — г. Строва.

«Напротивъ, если, и за всеъ этимъ, нашъ прелестный женскій хоръ, наравнѣ съ блистательно-оркестрованнымъ сербскимъ, продолжаетъ составлять предметъ оживленныхъ разговоровъ въ обществѣ, то это лучше всего показываетъ, сколько г. Стровымъ положено въ эти работы любви и таланта.»

Въ статьѣ П. Н. Мокрицкаго высказано, между прочимъ, слѣдующее:

«Не позволяя себѣ рѣшительно никакихъ разсужденій, обратимся

къ фактамъ. Сознаваясь въ своей недалекости, мы откровенно скажемъ, что не понимаемъ слѣдующихъ словъ г. Кулиша: «пока-мѣстъ малочисленнаго украинскаго общества», а также «смѣло выдавая себя за истинныхъ украинцевъ.» равно не понимаемъ, къ чему здѣсь нарушенъ прахъ давно-почившаго Котляревскаго, малороссіянина съ замѣчательнымъ талантомъ, котораго пародія Энеиды считалась всегда удачнѣйшею изъ пародій и въ свое время была выучена наизусть веѣми украинцами; котораго «Наталка-Полтавка» и «Москаль-Чаривникъ» играютъ десятки лѣтъ на театрѣ и до сихъ поръ не прискучили. Общая симпатія публики никому даромъ не дается; украинская пословица говоритъ: «громада—великий чоловікъ»; она не издастъ книгъ, а читаетъ, присматриваясь.

«За пораженіемъ Котляревскаго, у г. Кулиша слѣдуетъ пораженіе композитора, Глинка, признаннаго Европою великимъ артистомъ. Положенный имъ на ноты романсъ, на слова г. Забѣлы, исполненный г. Артемовскимъ, г. Кулишъ назвалъ «бездушнымъ и уродливымъ романсомъ!» а въ концѣ статьи, веѣ сердечныя изліянія людей, которыхъ привела безкорыстная любовь къ памяти одного изъ прекраснѣйшихъ сердецъ человѣческихъ и желаніе пособить добруму дѣлу, названы «воемъ» надъ могилою Шевченка....

«Гдѣ же искать причину этого разочарованія въ которомъ находится одинъ г. Кулишъ, тогда какъ публика очень признательно выражала свое сочувствіе въ концертѣ, что видѣлъ и слышалъ каждый бывшій и что доказываетъ фельетонъ, выглядывающій, какъ укоръ, изъ-за другой страницы того же листа? Намъ совершенно непонятно, какъ могли родиться враждебныя движенія, и въ такой сильной степени, въ людяхъ, пришедшихъ раздѣлить одно съ нами чувство. Неужели человѣкъ, въ которомъ есть хоть одна теплая искра въ груди, сталъ бы насмѣхаться надъ выраженіемъ лица особы, посѣтившей могилу его отца?»

Заявивъ уже, что вполне раздѣляемъ мнѣніе г. Марковича, мы думали-было сдѣлать замѣчаніе противъ нѣкоторыхъ фразъ, нѣкоторыхъ преувеличенныхъ похвалъ и нападокъ въ другихъ мнѣніяхъ, но—остановились: намъ сдѣлалось и скучно и грустно при одной мысли полемикѣ, обращенной къ тому, что было, прошло, и если когда-нибудь повторится, то совершенно въ иномъ видѣ. Многое, что, по

первому впечатлѣнію, охватываетъ и голову и сердце, — смотришь потомъ — только отвлекло тебя отъ лучшаго, примаго дѣла. Не словопреніе теперь нужно, а дѣло, — любовь: одна любовь творитъ достойное и настоящаго и будущаго.

И такъ, отсторонивъ частности и предоставивъ ихъ суду общественному, скажемъ нѣсколько общихъ замѣчаній относительно музыкальнаго исполненія и музыкальной критики: быть-можетъ, они впередъ къ чему-нибудь послужатъ.

Справедливо замѣчено въ одной изъ приведенныхъ нами статей, что концертъ былъ далекъ отъ совершенства; но можно ли требовать *совершенства* отъ чего-бы-то-ни-было, а тѣмъ болѣе отъ концерта, образовавшагося на-скоро, на-сѣверѣ, гдѣ такъ еще мало знанія и пониманія нашей народной музыки. Надо было испытать *возможное*, и оно показалось обществу не чуждымъ, не страннымъ, не бесплоднымъ; *возможное* въ настоящемъ подаетъ надежды къ лучшему въ будущемъ. Кто чувствуетъ нашу пѣсню не однимъ ухомъ, но и сердцемъ, тотъ долженъ понимать, что она, для артистическаго своего выполненія, требуетъ свободы вдохновенія, создавшаго ее въ народѣ, — т. е. такого глубокаго проникновенія словами и звуками пѣсни, какъ будто бы они родились въ минуту самого пѣнія. Такъ иногда поетъ извѣстный многимъ Украинцамъ, Гр. Н. Честоховскій, — но его голосъ не для концертной залы. Такъ нѣкогда пѣлъ Шевченко — и голосомъ и стихами... но легко ли и на одну минуту стать Шевченкомъ?... Вотъ что слѣдовало помнить критикамъ концерта 27 апрѣля: — тогда бы вѣроятно, взглядъ ихъ былъ прямѣе и справедливѣе, — тогда бы требованія ихъ относительно *украинскаго* концерта въ *Петербурѣ* въ такой же степени уменьшились, въ какой — относительно себя — увеличились...

Да! критики должны бы быть гораздо требовательнѣе въ-отношеніи къ себѣ и осмотрительнѣе въ своихъ приговорахъ, нежели они это показали. Концертъ есть дѣло музыкальное и, слѣдовательно, для *вѣрнаго* сужденія о концертѣ *какомъ-бы-то-ни-было*, прежде всего необходимо, хотя до нѣкоторой степени, знаніе музыки въ томъ, кто берется судить о музыкальномъ дѣлѣ печатно. Кажется, что въ такомъ требованіи довольно основательности. Такимъ-образомъ, хотя концертъ въ память Т. Г. Шевченка былъ больше чѣмъ на-половину программы составленъ изъ музыки южно-русской, но изъ этого еще не слѣдуетъ, чтобы концертъ этотъ подлежалъ исключительному суду од-

нихъ украинцевъ, — и вовсе не каждый украинецъ, на томъ только основаніи, что онъ слыхалъ пѣсни своего народа, народомъ исполняемая, можетъ превратиться въ музыкальнаго знатока и критика. Никто, напримѣръ, не усомнится въ истинной «народности» русской плясовой пѣсни, извѣстной по всей Руси подъ именемъ «Комаринской». Эта пѣсня симфонически разработана М. И. Глинкою, но—еслибъ потребовалось оцѣнивать это мастерское и великолѣпное произведение Глинки—хотябы и со стороны собственно-народности,—неужели бы любой «русскій» быть-можетъ не разъ плясавшій подъ звуки этой пѣсни, съ аккомпанементомъ балалайки, могъ быть приглашенъ въ судьи для оцѣнки эффектовъ и впечатлѣнія оркестровой разработки этой пѣсни Глинкою?—Весьма вѣроятно, подобный импровизированный судья изрекъ бы такой приговоръ: «Сначала-то, вотъ пока скрышки наигрываютъ пѣсню (т. е. еще на-голо, одну мелодію, безъ аккомпанемента), узнать можно: — совсѣмъ какъ у насъ выходитъ; а что дальше, такъ ужъ хитро больно,—запелъ, запелъ разныя припѣвочки да подпѣвочки, да въ трубы, въ литавры грянулъ,—отъ пѣсни-то чуть-ли не въ сторону метнулъ. У насъ поютъ и играютъ ее попроще;—а это уже на нѣмецкіе лады смахиваетъ.» Могъ ли бы такой приговоръ, хотя бы и очень искренній, служить укоромъ симфонической фантазіи Глинки, или прямымъ доказательствомъ недостатка народности въ разработкѣ «Комаринской»?

Не ставя нисколько въ параллель съ этимъ могучимъ, зрѣлымъ произведеніемъ Глинкиной музы первые и вовсе не особенно-значительные опыты А. Н. Стрѣова на поприщѣ разробатыванія украинскихъ мотивовъ для хора и оркестра, мы все-таки скажемъ, что сужденія враждебныя этимъ небольшимъ, но—по отзыву дѣльныхъ музыкантовъ—весьма удачнымъ, опытамъ, враждебныя именно со стороны «народности» въ музыкальныхъ звукахъ, совершенно несправедливы и выказываютъ только въ г.г. порицателяхъ незнаніе предмета.

Что можетъ быть, напримѣръ, забавнѣе упрека женскому хору (въ его второй половинѣ) за то, что мотивъ пѣсни «*Ой на річці та на дощечці*» сбивается на великорусскую пѣсню «Ахъ, начтѣжъ было огородъ городить»? Можно, пожалуй, и еще прибавить, что мотивъ этотъ похожъ и на другую русскую пѣсню «Ты поди, моя коровушка, домой», а изъ земли Чеховъ, или Сербовъ, или Словаковъ найдутся, быть-можетъ, и десятка два еще другихъ мотивовъ все вполне народныхъ, и какъ нельзя ближе похожихъ и на упомянутые

великорусскія пѣсни и на ту украинскую, которая была спѣта женскимъ хоромъ въ концертѣ, съ аккомпанементомъ оркестра, разработаннымъ совершенно согласно наивно-веселому характеру самаго пѣва: что жъ изъ этого слѣдовало бы, (еслибъ и было сходство, о которомъ говоритъ (вѣроятно, не разобравъ музыки), г. Маренко)? Ужъ навѣрное не то, что онъ думалъ. А что мотивъ, разумѣется, сохраненъ въ хорѣ вездѣ, отъ ноты до ноты, объ этомъ и распространяться не слѣдуетъ: достаточно заглянуть въ музыкально-критическій этюдъ А. Н. Строва надъ украинскими пѣснями, чтобы увидѣть какъ цѣнить и понимаетъ онъ народную музыку. Читатели видѣли замѣчательную ошибку другого критика, который одно изъ весьма удачныхъ произведеній Глинка — давно оцѣненную пѣсенку «*Гуде вітеръ*» смѣшалъ *съ словами*, которыхъ авторъ В. Н. Забіла. Музыкальная критика всегда умѣетъ ясно разграничивать область текста и область музыки, хотя бы и въ народной пѣснѣ; случайные судьи музыкальных явленій, наоборотъ, никакъ не могутъ отдѣлить звука отъ слова и, зачастую, не узнаютъ и мотива пѣсни, если она имъ спѣта съ инымъ, незнакомымъ для нихъ, текстомъ, или сыграна безъ пѣнія и, слѣдовательно, безъ словъ.

Наконецъ, слѣдуетъ еще замѣтить, что область народной музыки, когда уже она выступаетъ въ концертѣ, непременно должна стать *въ уровень* съ художественными произведеніями *не-народными*. Пѣсня, точь въ точь какъ она поется народомъ, съ длиннымъ, однообразнымъ повтореніемъ двухъ-трехъ фразъ, иногда весьма-короткихъ, — богатѣйшій *матеріалъ* для музыки, но этотъ матеріалъ, въ своемъ *необработанномъ* видѣ, еще не есть музыка, *готовая для концерта*. А для спѣшенія, для сплетенія между собою разныхъ народныхъ мотивовъ, даже для легкой разработки ихъ, хотя бы и въ видѣ импровизированной фантазіи, требуется вниканіе въ законы *развитаго* искусства и опытность въ технику музыкальнаго дѣла, — чего отчасти недостаетъ, на примѣръ, въ «Покосарщинѣ»; хотя мотивы этой пьесы, сами по-себѣ, весьма интересны съ своимъ чисто-народнымъ оттѣнкомъ.

Нельзя не отозваться съ благодарностью объ усердіи всѣхъ господъ и госпожъ исполнявшихъ чисто-украинскую часть программы: всѣ они свое дѣло исполнили весьма-удовлетворительно. Глубокаго проникновенія задачею, на примѣръ въ хорахъ и аккомпанементѣ имъ, конечно, недоставало, но на это есть очень уважительная причина: совершенное отсутствіе въ Петербургѣ вполнѣ хорошаго *капельмейсте-*

ра для народной музыки, истиннаго по всѣмъ правамъ *предводителя* оркестровыхъ и хоровыхъ силъ (*отличныхъ* въ отдѣльности)... Кромѣ техническаго знанія и опытности (которые найдутся и въ оперныхъ и концертныхъ дирижерахъ)—кромѣ таланта (который, какъ высшій даръ, вовсе не часто встрѣчается въ музыкантахъ-профессіонистахъ), тутъ необходимо еще одно важнѣйшее условіе: безграничная любовь къ своему дѣлу, призваніе, неразлучное и съ безкорыстіемъ и съ самоотверженіемъ. Музыканты оркестра, пѣвцы и пѣвицы хора, не могутъ смотрѣть на музыку иначе, какъ на поденное занятіе, на работу, за которую, по уговору, получаютъ извѣстную плату. Начальникъ оркестра и хоровъ, начальникъ *всего* исполненія, во всецѣлости музыкальной, обязанъ смотрѣть на дѣло иначе. Онъ долженъ душою горѣть, пламенѣть къ музыкѣ; долженъ, по *внутреннему*, сильнѣйшему побужденію стремиться къ идеально-совершенному выполненію ввѣряемыхъ ему задачъ. Его дѣло—вдохнуть душу живую въ матеріальныя силы голосовъ человѣческихъ и музыкальных орудій,—понять духъ, характеръ того, что исполняется,—осуществить все, что только въ видѣ мертвой буквы заключено въ холодныя страницы партитуръ. Для всего этого, безъ сомнѣнія, никакъ недостаточно было *одной* (!) пробы, при музыкѣ, для г. капельмейстера совершенно-чужой и незнакомой; для всего этого, конечно, и пробу никакъ нельзя дѣлать за какой-нибудь часъ до концерта!.. Когда капельмейстеръ занимаетъ свое мѣсто вовсе не по призванію, а такъ, Богъ знаетъ почему,—какъ не рѣдко случается со всякими другими должностями,—когда и онъ—никакъ не менѣе музыкантовъ оркестра и хористовъ—поденщикъ, наемникъ, которому нѣтъ ни малѣйшаго дѣла до цѣлей искусства,—когда, вмѣсто того, чтобъ «одушевить» исполненіе, онъ скорѣе, своею вяlostью, сухостью, равнодушіемъ, самъ парализуетъ и ту маленькую энергію, которая изрѣдка, почти безсознательно, является въ хорахъ и оркестрѣ: тогда... гдѣ же требовать *силы* впечатлѣнія на слушателей, гдѣ же требовать смысла, разумности въ отгѣнкахъ, гдѣ же требовать истинной музыкальности и отъ концертовъ, тысячу разъ повторявшихся, — тѣмъ болѣе отъ концерта, въ основаніи котораго совершенно новая музыка?..

Въ заключеніе, не считаемъ лишнимъ сказать, что многіе Украинцы, въ томъ числѣ и Н. Ив. Костомаровъ, выразили свою признательность артистамъ и любителямъ, за участіе въ концертѣ, осо-

быми письмами; что оркестръ, хоры и устройство концертной залы обошлись — какъ и для всѣхъ здѣсь обходятся — очень дорого, не смотря на все усердіе друга покойнаго поэта, — М. М. Л—скаго, — который заведывалъ хозяйственною частью концерта; и, наконецъ, что — какъ говорятъ — нѣкоторые изъ артистовъ и любителей, участвовавшихъ въ концертѣ 27 апрѣля, — въ томъ числѣ г-жа Леонова и г. Никольскій, — скорѣ намѣрены посѣтить Кіевъ, Полтаву, Черниговъ и Харьковъ. Въ ихъ успѣхъ и сочувствіи тамошняго общества не сомнѣвается.

А.-В. Побратимъ.

ВІСТІ.

ВОВЧИЦЯ.

(Изъ письма моего пріятеля).

— — Солнечные лучи ложились параллельно землѣ, пробиваясь сквозь свѣтлыя зимнія облака. Слабо освѣщали они стѣны убогихъ хатъ, плетни и вербы, когда почтовая тройка тронулась изъ хутора Картая и понеслась по степной дорогѣ, оглашая воздухъ рѣзкимъ дребезжаньемъ колокольчика. Сѣвшій въ рогожную кибитку протѣжающій закурилъ сигару, отъ которой дымъ быстро вылеталъ изъ—подъ кибитки и тотчасъ же исчезалъ въ сжатомъ зимнемъ воздухѣ. Тихій вѣтеръ началъ усиливаться болѣе и болѣе; отдѣльно бродившія облака стали сходиться въ сплошную массу, и пошелъ снѣгъ. Наконецъ, солнце совершенно скрылось, а снѣгъ усилился до—того, что узкую дорогу, походившую болѣе на тропинку, стало заносить совершенно; ее не было бы возможности узнать, еслибъ она съ обѣихъ сторонъ не была утыкана палками, обверченными соломой, которыя у насъ называются *тычками*.

«Да!!» вздохнувши подумалъ протѣжающій, глядя на безконечное чистое пространство, покрытое снѣгомъ: «еще одно здѣсь спасаетъ челоѣка — тычки! а не будь ихъ въ мятель, непременно сбился бы съ дороги и застылъ бы въ этомъ снѣговомъ морѣ».

Онъ бросилъ въ сторону недокуренную сигару и, закутавшись въ шубу, прижался къ той сторонѣ кибитки, въ которую дулъ бушующій вѣтеръ, и, поглядывая въ обѣ стороны, прислушивался къ пѣнію ямщика, напѣвавшего полнымъ степнымъ голосомъ:

Забіліли сніги, заболіло тіло,
ще й головонька;

Ніхто не заплаче по білому тілу,
по бурлацькому....

Ямщикъ поминутно стегалъ батогами свою тройку, движеніе которой по занесенной снѣгомъ дорогѣ становилось все тише и тише. Она проѣхала уже нѣсколько верстъ, а ни впереди, ни въ сторонѣ никакого жилья не было замѣтно: все только и видѣлась одна неизмѣримая, покрытая снѣгомъ степь, на которой въ лѣтнее время не мало можно встрѣтить дикихъ козъ и зайцевъ. Наконецъ, тройка спустилась въ глубокий яръ, гдѣ, къ удивленію ѣхавшаго господина, въ первый разъ встрѣтился дубовый лѣсокъ, и онъ, не разговаривая съ ямщикомъ всю дорогу, не вытерпѣлъ и спросилъ:

— А что, здѣсь есть жилье, или одинъ только лѣсъ?

— Жилія нема нѣякого, а тѣлько одинъ лѣсъ,—отвѣчалъ ямщикъ хлещувъ батогами лошадей.

— Большой?

— Ні, ге великій, та й не малій.

— А сколько верстъ отъ этого лѣсу до станціи?

— Та, якъ бы вамъ сказать?—верстовъ... тридцать, чи тридцать пять.

— А впередъ встрѣтятся какой нибудь хуторъ?

— Буде маленький хутирѣць, та й той останеца у боку.

— Въ лѣсу, недалеко отъ дороги, что-то блеснуло, словно огонекъ. Всмотриваясь въ ту сторону, путешественникъ спросилъ у ямщика:

— Тутъ нѣтъ ли избушки, что вонъ вправо видѣнъ огонь?

— Це не огонь,—отвѣчалъ ямщикъ.

— А что же?

— Вовкъ. То у ёго очи блищятъ якъ огонь.

— Развѣ здѣсь ихъ этакъ бываетъ и много?

— Та не такъ багачко, а коли не ідешь, то все попадаютьца назустрічь.

Когда они поровнялись съ тѣмъ мѣстомъ, гдѣ находился волкъ, лошади подняли уши и стали храпѣть, а сидѣвшій въ саняхъ господинъ такъ струсилъ, что не только прервалъ разговоръ, но прижался поближе къ одной сторонѣ саней и едва переводилъ духъ. Онъ даже забылъ про пистолеть, который имѣлъ всегда заряженнымъ и возилъ съ собою изъ предосторожности. Но, переводя съ большою осторожностію дыханіе, онъ чувствовалъ себя нисколько не легче; а когда спустились въ самый яръ, ему сдѣлалось еще жутче оттого, что лошади, утопая по самое брюхо въ мягкомъ снѣгу,

чуть двигались впередъ, и нерѣдко даже совершенно останавливались. А волкъ съ горящими, какъ двѣ свѣчки, глазами стоялъ неподвижно. Герой нашъ хотя былъ и не изъ самого трусливаго десятка, а въ этомъ случаѣ совершенно оплошалъ. Онъ не могъ замѣтить, что здѣсь уже не было видно ни дороги, ни тычечъ, которыя были занесены снѣгомъ и что ямщикъ, будучи знакомъ съ мѣстностью, ѣхалъ по лѣсу почти *манівцями*, ежеминутно покривая и ударяя батогами лошадей, которыя насилу выбивались изъ глубокаго снѣгу, залегшаго спокойно въ лѣсу. Наконецъ, умыленная до изнеможенія тройка перебралась чрезъ глубокий яръ и, такъ сказать, вынырнувъ изъ снѣговой топи, очутилась на гладкой дорогѣ, изрѣдка перерѣзанной большими валами снѣгу. Изъ лѣсу, въ которомъ остался страшный волкъ съ огненными глазами, долетали до нашихъ ѣздоковъ свистъ сильнаго вѣтра и шумъ деревьевъ.

Оставивъ позади себя лѣсъ и выѣхавъ на ровную мѣстность, ямщикъ опять началъ напѣвать потихоньку, какъ-будто сквозь зубы:

Забіліли сніги, заболіло тіло....

Лошади, получая менѣе ударовъ батога, пошли однакожъ шибче, а протѣжающій снова спросилъ ямщика:

— А что, эти свѣтлоглазые ничего не трогаютъ, или этакъ чтонибудь и пощипываютъ?

— Да якъ ще гáрно щипають! Торікъ до насъ у ху́тірѣ такъ унадились, шо не було того дня, щобъ чого-небудь изъ хлїва не витягли: сперву стали кра́сти гусей, а тамъ свиней и овечокъ; та такъ сібірні унадились, шо и въ день бува́ло підкра́дуться до вівця, ухопить ягня, або стару́ вівцю, та й побіжить у ліс. Лісъ цей невеликій.... Отъ ми зібра́лись разъ чоловікъ изъ шість; взяли зъ собою всі по кійку и чотирі ружжя́, та й и пішли. Дай, ка́жемо, пройдемо цей лісъ, чи не найдемо тамъ ихъ скоти (¹). Тільки приходимъ у лісъ, и всі шестеро розійшлись по бока́хъ.... ну, и найшовъ одинъ, такъ, у ярочку, вóвчу скóту, и закрича́въ: «Сюді, бра́тці!» Отъ ми якъ прийшли всі, такъ одинъ смілий и ви́брався, та й полізъ у скóту.... А тамъ були тільки самі вовченята и обóе

(*) Берлоги.

гарцювали зъ малёнькимъ ягнѣткомъ. Ну, ми тутъ скоріше забрали ціхъ малёнькихъ вовченѣтъ и ягнѣтко и понесли до дому, щобъ не зострітись изъ вовчицею. А щобъ вона и по слѣдамъ не найшла своїхъ дітей, то ми якъ переходили черезъ містоць, взяли та їхъ и помили.

— Развѣ волчица по слѣдамъ могла найти, еслибы вы волченѣтъ не обмыли?—спросилъ путешественникъ.

— Эге! вона бѣ тоді и домъ той розорила, куді принесли вовченѣтъ: вона по слѣдамъ прийшла до самого містка, а далі вже не пійде, бо зъ нихъ увесь духъ вовчий обмили.... Бідну скотинку ажъ жаль було, якъ вона цілу неділю лізла въ воду, та все віла, да й здохла тамъ на березі.

Хуторъ, о которомъ ящикъ говоривъ прежде своему сѣдоку, только сейчасъ они проѣхали; но путешественникъ, завалившись въ уголь саней и закутавшись отъ сильного вѣтра и снѣга въ шубу, не замѣтилъ его.

— Чоже вы съ волченятами сдѣлали?

— Становий дознавъсь, та до себе й забравъ. У станового, бачте, на тій неділі, якъ вовчиця все віла и лізла у річку, ко-ро́ва пропа́ла. Їму хтось про це й сказавъ; вінъ узівъ писаря, отамана ⁽²⁾ и двухъ десятниківъ, та й приїхавъ до насъ у хутиръ и заразъ же звелівъ зібратъ усіхъ стариківъ и всіхъ насъ у громаду. Мене тоді дома не було: я возивъ якогось пана; такъ за мною послали въ погоню, щобъ якъ можно скоріше я їхавъ у хутиръ до станового. Коли я приїхавъ у хутиръ — а тамъ уже всі хлопці, що зо мною забрали въ лісі изъ скоти вовченѣтъ, стоять у громаді. Отъ становий и питає: «Шо? ви, каже, забрали изъ лісу вовченѣтъ?» — «Ми, кажимъ, забрали». — «Де жъ вони»? — «У мене дома», сказавъ оди́нъ зъ насъ. — «Ну, такъ послать, щобъ їхъ привезли сю́да... А їхъ, каже, посадить у холоди́ю» (показуе на насъ). Ми стали ёго просіти, вінъ и дивитця на насъ не хоче; такъ розходивсь, шо и въ два не вберешъ. Послі: «ні,» каже, «не сажайте їхъ у холоди́ю, а приводить по одному́ до мене въ хату». Отъ насъ усіхъ по одному́ у хату, де бувъ становий, писарь и отама́нъ, переводили, и все у насъ пита́ли, а ми все їмъ ка́зали, а

(2) У насъ отаманъ избирается изъ среды сельскаго общества, какъ у великороссіянъ старшина.

вони все писали. Якъ усіхъ до одного перебрали, такъ становий вийшовъ, та й почавъ читать при всій громаді: що такі-то и такі-то, тоді-то и тоді-то, ходили въ лісѣ и вѣвчу скѣту розорили, и вѣвченятъ забрали, и зъ ними дошли до місткѣ и ихъ у річці обмили. Вѣвчиця про це не знала, и якъ прійшла въ скѣту, глядь, каже, а тамъ вѣвченятъ нема. Ну, вона побігла по слідахъ до самого місткѣ, де вѣвченята були обмиті, та й пу вѣти и кидатьця въ воду; та такъ разсѣрдилась, що ззіла мою корѣву.... Та це ще нічого, каже, а якъ би вона ззіла чоловіка, тодібъ що було? каже становий усій громаді. Тодібъ и мене підтягнули, сказали бъ, що отъ—шо рѣбитця въ твоімъ стані! А старики зъ ляку: «Ні,» кажуть, «и за корѣву нехай вони вамъ заплачють, що вона стоїть». А ми й кажимъ: «Та якъ же вѣвчиця корѣву ззіла, ваше благородіе, коли вона одъ вѣшого хѣтора паслась бѣльше, якъ пѣнадцять верстѣ? Скорій би вона зъ нашого хѣтора чию-нѣбудь иззіла». «Ні,» каже вся громада: «це могло случитьця, бо вона не ходила въ чѣреді, а по вѣлі, де хотіла.... такъ вона, може, прѣмо черезъ пшениці и пройшла підъ вѣшъ хѣтіръ». «Отъ то-то и есть!» стали ми казати: «якъ вона ходила по пшеницямъ, то хто-нѣбудь и прицкувавъ її собѣками, а вони й загнали далѣко»... «Не правду ви кажете, перебила вся громада: скѣльки разъ ми вѣі бѣчили, що вона пасѣтця въ пшениці, а мѣло того и лѣже—и то ніхѣ не чѣпавъ, а не то шѣбъ собѣками цѣкуватъ». А становий: «такъ,» каже, вы, господа чесніи, согласні, шѣбъ вони заплатили мені за корѣву, чи ні?... та самъ же й каже: «по мені и нічогобъ не трѣба; такъ, якъ простіть імъ, то и дрѣгитакѣ діло зроблять». «Согласні, согласні,» сказала вся громада: «стѣльки, скѣльки ви прикажете». А становий: «скѣльки я самъ заплативъ Жукѣ-ві: сто карѣбѣванцівъ. Це корѣва не паська, а Чорномѣрська». Якъ сказавъ вінъ це, такъ-такъ ми вѣі, грѣшні, й подѣумали: «Якъ ѣго ще сирѣ земля дѣржить на свѣті, шо вінъ такъ людѣй морѣчить!» Вѣі знали, шо корѣва становѣго не кѣплена, а прѣсто взята у Жукѣ за те, шо вінъ якъ прѣсілъ, такъ вѣяке літо приганѣ багѣцько скѣтіни; а старики жалуютця, шо вінъ своєю скѣтіною вибивѣ на полі кормъ, такъ—шо й нашіи скѣтіни нічого їсти. Отъ цей прѣсілъ вѣяке літо и дарѣе скѣтіною, абѣ грѣшми, становѣму, писареві и ѣтаманѣ, якъ який бере (1); тимъ и корѣву цю вся становѣго двѣрня, коли шукѣе бувѣло въ пшениці, такъ усѣ кажуть: «Чи не бѣчили Жучѣхи?»

(1) Отаманы, будучи часто перемѣняемы, рѣдко пользуются случаемъ взять.

— Почему же вся громада не вооружится противъ того, чтобы становаго корова не паслась въ пшеницѣ?

— Не то шо корова пасѣтца въ пшениці, — и всі трое коней ходять де хотѣ, — и то нікто нічого не каже; тільки насъ Бѣга раді не чіпай!...

— Ну, а чѣмъ же кончилось дѣло о волчицѣ? — спросилъ путешественникъ, желая скорѣе узнать развязку.

— Та тимъ, шо зъ насъ изъ усіхъ злушили сто карбіванцівъ за короу, та тридцять карбіванцівъ и шість мішківъ пшениці за безчесте; а зо всѣго хѣтора зобрали яєць на лѣшню и курей на закуску всімъ панамъ стілько, шо вони тутъ пообідали, та ще одвезлі становому и писареві на підводі.

— А что такое значить — безчесте?

— Та безчесте въ насъ зовѣтца те, шо якъ будешъ позиватьця, такъ все рівно беруть — и съ правого и неправого: тільки різниця та, шо зъ виноватого беруть за вину и безчесте, а съ правого тільки за одно безчесте.

— А всякій ли разъ бываетъ сборъ яицъ и куръ, когда прѣзжають ваши власти?

— Хтобъ ні прихавъ — становий по своєму ділу, писарь и зборщикъ оброкъ збирать, — все ходять десятники и збирають зъ души по скільки чого слідує.

— Какъ? развѣ опредѣлено поскольку чего съ души?

— А якъже! Становому одному по два яйці зъ души, а зъ двадцяті душъ по курочці; а писареві и зборщикові, на двоухъ стільки, скільки одному становому. А отаманові, коли буває, то прибавляетца, якъ тамъ буде приказано.

Бесѣда съ ямщикомъ дотого увлекла прѣзжающаго, что онъ невольню задумался и не замѣтилъ, какъ пролетѣло время отъ станціи до станціи. Но онъ счелъ излишнимъ выражать свое удовольствіе словами, и только лишніхъ пять копѣекъ серебромъ, прибавленныхъ къ обычной его платѣ ямщикамъ на водку, выразили его безмолвную благодарность.

II. Свячѣнко.

Изъ Черниговской губ.

(Іюнь 1861 г.).

I.

Вы просили меня писать обо всемъ, что будетъ любопытнаго въ той мѣстности, гдѣ я живу уже около двухъ недѣль.

Вы, можетъ-быть, рассчитывали получить отъ меня свѣдѣнія интересныя для «*Основы*» и для читателей ея; но я сомнѣваюсь — удастся ли мнѣ сообщить что-нибудь подобное. Помѣщиковъ, кромѣ ближайшихъ сосѣдей, я еще не видѣлъ; сосѣди же, болѣею частью, жалуются на судьбу. Они окончательно рѣшили въ своей головѣ, что выхода изъ бѣды нѣтъ ни съ какой стороны; съ главами, поникшими долу, ждуть они голодной смерти, и не внимаютъ голосу умнаго чело-вѣка, по временамъ взывающему къ нимъ. Все помыслы ихъ устремлены теперь къ тому, чтобы накопить какъ можно больше денегъ; продается все, что можно продать; продукты, залежавшіеся по нѣскольку лѣтъ, сбываются по какой-бы-то-ни-было цѣнѣ. Но съ собранными деньгами они рѣшительно не знаютъ какъ поступить и прятать ихъ по угламъ, подалеже отъ постороннихъ взглядовъ. Нѣтъ ни желанья, ни умѣнья распорядиться ими разумно, употребить въ дѣло. Привыкнувъ смотрѣть на деньги какъ на цѣль жизни, они и теперь не видятъ въ нихъ средства къ благосостоянію, и жмутся до-крайности, лишь бы не выпустить денегъ изъ рукъ. О правильномъ употребленіи капитала нѣтъ никакого понятія. Я пробовалъ убѣдить нѣкоторыхъ господъ обратиться къ промышленности, смотрѣть правильно на свободный трудъ, стараться выиграть время—не внемлютъ!.. Одинъ отвѣтъ: все погибло!

А между тѣмъ, въ первый же годъ, можно бы уже воспользо-ваться выгодами свободного труда; но у насъ такъ привыкли къ патриархальному способу вести хозяйство, что бояться и подумать о какомъ либо промышленномъ оборотѣ, и скорѣе соглашаются вздыхать, сложа руки, нежели заняться чѣмъ-нибудь. Словомъ, чело-вѣкъ свѣжій испытываетъ здѣсь впечатлѣніе самое тяжелое, и невольно вспоминаются слова лѣтописца: «Запустѣніе на стогнахъ градовъ и весей: то бо суть Агаряне» и проч.

Начало этого зла заключается, прежде всего—благодаря централизации—въ совершенномъ отсутствіи молодыхъ образованныхъ людей, которые бы своимъ примѣромъ, на дѣлѣ, показали несостоятельность ста-

раго порядка и жизнєнность новаго. Нѣтъ силы, которая подвинула бы съ мѣста застоявшуюся массу, расшевелила бы ее и указала путь.

Да! отсутствіе молодежи здѣсь очень чувствительно. Если нѣтъ постоя войскъ, то, на сѣздахъ помѣщиковъ, нѣкому танцовать, а въ уѣздной жизни безъ этого не могутъ обходиться. Здѣшнія барышни выходятъ замужъ, обыкновенно, за военныхъ всякихъ націй, вводя, такимъ—образомъ, въ свои семейства и великорусовъ, и нѣмцевъ, и итальянцевъ, и перекрещенныхъ евреевъ, и *азіатовъ* и т. д. Это ведетъ къ тому, что ихъ имѣнія мужья стараются обращать въ деньги, и земля снова переходитъ въ старыя, привычныя къ кулачному праву руки. Да если правду говорить, и молодежь военная, оставаясь здѣсь, принесла бы еще меньше пользы, а скорѣе вредъ. Безъ образованія, часто безъ здраваго смысла, съ недолимою страстью къ кутежу, попойкамъ, картамъ — она способна только разорять и уничтожать, а не создавать. А посмотришь, какія иногда славныя имѣнія попадаютъ въ руки этихъ господъ! Чтѣ можно сдѣлать при умѣнн да при правильномъ веденіи хозяйства! Все гибнетъ!.. У этихъ господъ дѣлается все наоборотъ. Въмѣсто того, чтобъ начать дѣло экономіей и устройствомъ порядка и постепенно переходить къ довольству и комфорту, они, захвативъ въ руки разстроенное имѣніе, заводятъ оранжереи, тысячные экипажи, рысаковъ, строятъ громадныя дома и проч., и тѣмъ окончательно убиваютъ свое состояніе. А жены ихъ, здоровыя деревенскія барышни, вскормленныя плодоносною Малороссією, начиная съ перваго же года, отличаются аккуратной производительностью. Уѣзжая прошлый годъ на сѣверъ, я оставилъ здѣсь нѣсколько невѣстъ, вышедшихъ замужъ уже послѣ меня. Возвращаясь домой, — и чтѣже? всѣ онѣ пріѣхали изъ полковъ къ своимъ родителямъ—родить.

Впрочемъ, здѣсь есть два—три молодыхъ человѣка... Они могутъ служить интересными сюжетами для наблюденія. (Мы съ ними еще встрѣтимся и познакомимся, современемъ, покороче). Люди эти — кара небесная для здѣшняго уѣзда. Это — шулеръ, пьяницы, мошенники, отъ которыхъ добрымъ людямъ покоя нѣтъ. Я сообщилъ бы вамъ нѣсколько очень характеристическихъ рассказовъ, но боюсь, что это будетъ похоже нѣсколько на *бабы сплетни*. Кстати, о сплетняхъ. Тутъ имъ раздолье и почетъ! Дѣлать нечего, читать половина *помѣщицъ* не привыкла или нехочетъ: пьютъ, ѣдятъ спать, рѣжутся по цѣлымъ суткамъ въ карты, да слушаютъ, раз-

вѣсивъ уши, сплетни безмолвно-уполномоченныхъ на то особъ прекраснаго пола...

Мнѣ особенно понравились просьбы нѣкоторыхъ дамъ, поданныя ими въ губернское присутствіе о зачисленіи ихъ въ мелкопомѣстныя. У нихъ было больше 21 души; а потому лишнее количество крестьянъ онѣ предлагали перечислить въ государственныя, чтобъ самимъ попасть въ мелкопомѣстныя!.. Конечно, просьбы ихъ были отвергнуты. Такія и подобныя явленія бывають тутъ сплошь и рядомъ.

Недавно, въ Конотопскомъ уѣздѣ, начали составляться волости. Много мѣшаетъ полной свободѣ подачи голосовъ отсутствіе правильной баллотировки. Крестьяне совѣстятся гласно объявлять себя противъ лица, котораго они не желаютъ; а потому, многіе, нѣхотя, подаютъ голосъ за. Еслибы у нихъ были ящики, какіе существуютъ вообще при всякаго рода другихъ баллотировкахъ, это было бы несравненно лучше.

Скоро поступятъ въ продажу, въ уѣздныхъ казначействахъ, бланки для уставныхъ грамотъ. Предстоитъ, стало быть, интересное зрѣлище!

Урожай хлѣбовъ, озимаго и яроваго, вездѣ отличный; но травы въ степяхъ нехороши.

Фруктовъ и ягодъ, въ нашей, южной, мѣстности, почти нѣтъ. Табакъ значительно поднялся въ цѣнѣ; но, съ переполоху, его посажено гораздо меньше противъ прежнихъ лѣтъ.

Межеваніе медленными шагами подвигается впередъ. И не удивительно: члены межевой здѣшней комиссіи, вмѣстѣ взятые, принадлежатъ къ возрасту, который вовсе не располагаетъ къ дѣятельности... Видно — таковыя понадобились...

Вѣсточка зъ Пенитай-города.

Окликаемся до братіи, хто поважає старинні мури, будинки и старинну осѣлю нашої прежнєї Країни. У Чернігові, окремє святихъ церковъ стародревнїхъ, устояли старинні будинки: покої Полуботка, — ще зъ прошлаго віку одъ Григоровича поступили у духовні руки ⁽¹⁾, а теперъ підъ семинарією. На взіръ вони цілі и кріпкі, іще постоять для потомнєго часу. Другі будинки, ще давнїшого часу ⁽²⁾; у нихъ була Черніговська полкова канцелярія; стоять на валу; їхъ построй-

⁽¹⁾ Истор. и статист. описаніе г. Чернігова. Н. Маркевича. Въ Черниговскихъ вѣдомостяхъ, за 1832 г.

⁽²⁾ Кажуть ще за Польщі построєні.

ка, усякі виводи и прикраси на стінахъ, такъ и вимовляють прежній смакъ и руку давнѣго часу. Покоі чепурненькі, розведені всякими прикрасами и зубчиками: любо подивитьця! Вони були запустіли, прийшли въ розорѣ; кажуть, недавнѣго часу, підъ приїздъ царський, сее знаменó прежнѣй постройкы, по вищому приказу, підновлено по прежньому, покрито листовимъ жалізомъ, и до сѣго часу красовалось, якъ квіточка прихороша, хоронячи въ собі другий пам'ятникъ прежнѣго давнѣго часу: діла и житло нашихъ предківъ, на пісьмі записане; тутъ, зложена архива губерського правління: старої Гетьманщини діла, різнихъ полківъ, про всяку всячину.

А теперъ—за серце хапає, якъ поглянешъ, що сії старинні мурри розоряютьця одъ недогляду полиціі. Листове жалізо крадуть, розносять, уже на двохъ углахъ обідрали кривлю; піде течь, мокрота, пропадуть и бумажы одъ мокроты и сама схованка їхъ, пам'ять прежнѣго часу, тожъ піде прахомъ.

Заявляємъ передъ чеснимъ людомъ, коли не найдеться спроможності оберегти сії будинки одъ такої напусті, то нехай братія, хто матиме спроможность, або случай быть у Чернігові, змалює на папері, щобъ доберегти дідівську пам'ять потомнѣму часу.

С. Волошинъ.

Непитай-городъ.

1861 року, Квітня 12-го.

Изъ Чернигова.

(іюнь 1861.)

Съ особеннымъ удовольствіемъ сообщая въ *Основу* одно распоряженіе нашего начальства, которому могли бы подражать многіе и во многомъ. Это распоряженіе принесетъ несомнѣнную пользу, если будетъ поддержано энергически, на дѣлѣ, если не останется однимъ добрымъ желаніемъ:

Циркулярное предписание г. Начальника Черниговской губерніи, отъ 21 мая 1861 года, Городскимъ и Посадскимъ Полиціямъ здѣшней губерніи.

«При вступленіи моемъ въ управленіе губернією, когда я имѣлъ честь въ первый разъ принимать гг. чиновниковъ мѣстнаго губерни-

скаго правленія, я высказавъ, что нами должно руководить безусловное уваженіе къ законамъ, отвращеніе отъ произвола какъ въ собственныхъ нашихъ распоряженіяхъ, такъ и въ дѣйствіяхъ нашихъ подчиненныхъ, и непрестанная память о томъ, что мы прежде всего обязаны охранять общественное спокойствіе въ губерніи и безопасность всѣхъ и каждаго, и что только въ случаяхъ особенныхъ мы должны являться исполнителями карающаго закона.

«Къ-сожалѣнію, я замѣчалъ неоднократно, что дѣйствія лицъ полицейскаго вѣдомства ввѣренной моему управленію губерніи находятся въ совершенномъ противорѣчій съ высказанными мною убѣжденіями. Не только нижніе чины означенныхъ учреждений дозволяютъ себѣ насилие и самоуправство, но и многіе изъ гг. чиновниковъ уничтожаютъ всякое довѣріе жителей грубымъ произволомъ и вовсе не примѣрнымъ поведеніемъ.

«Обращаю еще разъ вниманіе гг. начальниковъ полицейскихъ учреждений на то, что дѣлается ихъ подчиненными, и напоминаю имъ словесныя мои замѣчанія. Полиція не должна забывать, что она учреждена для жителей, а не жители для нея; что если ей и приходится являться часто исполнительницею наказаній и взысканій, то все же первое ея назначеніе состоитъ въ томъ, чтобы служить защитой правыхъ, какого бы кто званія ни былъ. Оказывая уваженіе къ личностямъ, Полиція пріобрѣтетъ и для себя то уваженіе, которое жители обязаны оказывать лицамъ облеченнымъ законною властію.

«Ожидаю, что отнынѣ полицейскія учрежденія будутъ подавать примѣръ уваженія къ законамъ; если же за этимъ мною будутъ замѣчены вновь отступленія отъ правилъ, то я вынужденъ буду принять мѣры къ удаленію изъ полицейскихъ учреждений тѣхъ лицъ, которыя поступками своими уничтожаютъ довѣріе къ этимъ учрежденіямъ.»

Зъ Полтави.

Щобъ хочъ трѣхи познакомити народъ зъ театромъ, охѣтники почали побиватись объ тѣмъ, щобъ на великоднихъ свѣткахъ показати зѣтри, або зъ чотирі народніхъ спектаклї. Найняли ужѣ й театръ, вивчили, на первий спектакль, комедї: *«Бідность-не порокъ»* и

«Шельмѣнко, волосній писаръ», — да ба! не позволено грѣти... черезъ тѣ, кажуть, що для народу ще *дуже рано* заводити театри, та й цѣни назначили дешевѣ (ложи 8, 4, 3, и 1½ карбованці, а зѣмлики 50, 30, и 25 коп.) Охотники просили, щобъ цѣни набавити, въ афишѣ не писати «народній спектакль...» — не помоглось!.. *рано*, кажуть, та й годі. — Мині здаѣтця, що нехай би лучче народъ сидѣвъ у театрі, нїжъ у шинку; а якъ другимъ — про те не знаю...

Саранча въ южной части Черниговской губерніи.

(7 Іюля 1861).

Въ августѣ прошлаго года, въ Остерскій, Козелецкій и Нѣжинскій уѣзды, прилетѣла саранча и, сдѣлавъ небольшой вредъ гречкѣ, залегла преимущественно на *облогахъ*. Въ настоящее время появилось ея множество, въ видѣ черныхъ кузнечиковъ, но большая часть еще не выползла изъ земли, гдѣ закопалась. Не смотря на всѣ старанія земской полиціи и окружныхъ начальниковъ, отъ ихъ дѣйствій нельзя ожидать значительной пользы, по невозможности уничтожить саранчу повсемѣстно. Надо опасаться голода. Дай Богъ, чтобы мы ошиблись, но саранча уже начала уничтожать хлѣбъ; такъ напримѣръ, въ с. Щасновкѣ Козелецкаго уѣзда, пѣшая (въ видѣ кузнечиковъ) саранча уничтожила въ одинъ день, пятнадцать десятинъ озимаго хлѣба.

ПРИГЛАШЕНІЕ.

«Предпринимая въ Черниговѣ, съ іюля мѣсяца, изданіе еженедѣльной газеты, подъ названіемъ «ЧЕРНИГОВСКІЙ ЛИСТОКЪ», программа которой будетъ объявлена впослѣдствіи, мы обращаемся съ просьбою ко всѣмъ сочувствующимъ общественной пользѣ — содѣйствовать намъ въ успѣхѣ нашего предпріятія. Цѣль изданія — доставить возможность мѣстнымъ жителямъ имѣть, за умѣренную плату (2 р. ср.), свой печатный органъ общественной жизни и дѣятельности, а потому намъ дорого всякое извѣстіе, интересна даже мимолетная замѣтка о важныхъ происшествіяхъ въ уѣздахъ: несчастіяхъ, пожарахъ, навод-

неніяхъ, неурожаяхъ, падежахъ и т. под., о замѣчательныхъ явленіяхъ въ жизни общественной, о забавныхъ приключеніяхъ, толкахъ, слухахъ и т. п. Мы покорнѣйше просимъ не стѣсняться формою изложенія: дѣло не въ формѣ, а въ содержаніи.

«Для отдѣла *литературнаго* предназначаются вообще статьи для легкаго чтенія: небольшіе рассказы, стихотворенія на великорусскомъ и южнорусскомъ языкахъ, путевыя записки, очерки изъ народнаго быта, анекдоты, сцены, юмористическія замѣтки, эпизоды изъ охотничьей жизни и т. под.

«Въ отдѣлѣ *общеполезныхъ свѣдѣній* мы съ удовольствіемъ дадимъ мѣсто каждой дѣльной практической замѣткѣ, заключающей въ себѣ свѣдѣнія по части сельскаго хозяйства, домоводства, промышленности, торговли, популярной медицины, народнаго образованія и т. под.

«Адресовать: *Леониду Ивановичу Глѣбову, въ Черниговѣ, въ зданіи пансіона при гимназій.*»

Редакція *Основы* отъ всего сердца желаетъ успѣха этому прекрасному предпріятію, и увѣрена, что подъ редакціею Л. Ив. Глѣбова, *Черниговскій Листокъ* заслужитъ сочувствіе общества и найдетъ себѣ подражателей и въ другихъ мѣстахъ.

ОБЪЯСНЕНИЕ КЪ РИСУНКАМЪ «ЖИВОПИСНОЙ УКРАИНЫ.»

Рисунокъ VI-й взятъ мною изъ альбома *И. И. Соколова*. Это — *молодиця*, Полтавской губ., Золотоношскаго уѣзда, села Вереміевки. Свита—бѣлая; сзади—*уси*—синіе.

VII-й—портретъ *чумака*, снятый *К. А. Трутовскимъ* въ Харьковской губ. У К. А. Трутовскаго очень большое собраніе рисунковъ съ натуры; благодаря ему, я могу теперь сдѣлать ихъ извѣстными. Эти рисунки имѣютъ большой интересъ. Я передамъ, по возможности, все снятое съ натуры. *Головою чумака* начинается рядъ головъ съ натуры.

Л. Жемчужниковъ.

ОТВѢТЫ РЕДАКЦІИ.

Ан-р-ю Г-р-чу М-др-кѣ, въ Козелецѣ. Ваша статья не можетъ быть напечатана.

М-ру О-ль-вичу, въ Козелецѣ. По мнѣнію людей знающихъ, Вашъ трудъ, при всѣхъ его достоинствахъ, не можетъ имѣть должной полноты безъ соображенія съ документами, хранящимися въ Московскомъ архивѣ иностранныхъ дѣлъ. За «Записки» весьма благодарны; постараемся ими воспользоваться. — Ожидаемъ отъ васъ мѣстныхъ извѣстій.

Д-лу И-чу Л-вр-у, въ Черниговѣ. Дуже вамъ дякуємо; мусимо подождать зъ печаттю... Не забувайте насъ; запоможіть ще чимъ—ласка.

Г-ву О-и-му, въ Екатеринославѣ. Ваша тетрадь получена. Окончательный отвѣтъ—въ VIII книжкѣ.

С-ну Д-чу И-у, въ Конопотѣ. Одѣбрали. Дѣка Вамъ одъ щирого серця. Рѣди Вашої послухаємо, до Васъ одпишемо.

Ө-ну Д-л-чу Л-д-ц-ву, въ Києвѣ. Зміна заголовка й початку не зъ нашої вини. Ждемо—не—діждемось Вашої посылки.

Підводному. Правдива Ваша рада, да треба огледітись. Одпишемо, а поки-що—наша прозьба: не забувайте й надалшъ,—якъ до сѣго часу, спасибі Вамъ, насъ не забували.

К-ст-ну Е-с-чу Тр-иъ, въ Нѣжинѣ. Слова объясняются въ Основѣ только въ томъ значеніи, въ какомъ они тамъ же употреблены авторами. Слово *пригода* употребляется также и въ смыслѣ *событія, приключенія*, какъ въ польскомъ *przygoda*. Стихотвореніе, о которомъ Вы писали, извѣстно, и даже переведено въ одномъ изъ здѣшнихъ журналовъ.

Н. Рос-и-скому, въ Петербургѣ. Спѣшимъ увѣдомить Васъ, что мы получили *Воспоминаніе изъ прошлаго* и весьма рады повидаться съ Вами до напечатанія.

Въ слѣдующей книжкѣ, между прочимъ, будетъ напечатано весьма любопытное письмо 1840 года, отъ *Основьяненка* къ *Шевченку*, по поводу *Кобзаря*.

Въ апрѣльской книжкѣ *Основы* обращаютъ вниманіе три типографскихъ недосмотра: 1) въ статьѣ «Воспоминаніе о двухъ малярахъ», стр. 49, вмѣсто *Санскій* должно быть *Саисскій*; 2) въ нотахъ къ пѣснѣ «Гей, гукъ, мати, гукъ», (стр. 95), въ самомъ началѣ, вмѣсто *f* должно быть *d*, подъ первой линейкой; и 3) подъ байками «*Мірошникъ*» и «*Жаба й Вілъ*» должна быть подпись: *Р. Витавський*.

28580
790/6м.

K-104

168976

ОБЪЯСНЕНИЕ

НЕУДОБОПОНЯТНЫХЪ ЮЖНОРУССКИХЪ СЛОВЪ,

СОДЕРЖАЩИХСЯ ВЪ 6-й КНИЖКѢ «ОСНОВЫ».

Баби́нець — мѣсто въ церкви, гдѣ
стоятъ женщины.

Багати́рка — богачка.

Біда́ха — бѣдняга.

Бѣвкну́ть — (о колоколѣ издать гу-
стой звукъ).

Бѣлізко́ — больно.

Брині́ти — чуть блестятъ, яспѣтъ вда-
ли, видѣться будто въ туманѣ.

Буртѣ́сь! — междометіе звукоподра-
жательное, обозначающее паденіе тѣла
съ извѣстнымъ шумомъ.

Вага́ — тяжесть; уваженіе (въ смыслѣ:
принять въ уваженіе, напр. жалѣ ваги
не маѣ); беременность (я була въ ва-
зі, — важка); вѣсы.

Ввижа́тись — привидѣться, казаться.

Віпрать — вымыть.

Відсі́ль, відсі́ля — отсюда; отсю-
дова.

Віи́ — рѣсницы.

Вилі́чувать — высчитывать.

Випурхну́ть — выпорхнуть.

Віса́дки — кореня, сохраненные до
весны и посаженные опять въ землю
для полученія изъ нихъ сѣмянъ.

Вітягну́ть — вытянуть, вытащить.

Водопо́яга — бродяга.

Воло́шки — васильки.

Вранці́ — утромъ.

Вчини́ть — замѣсить (хлѣбъ въ кваш-
нѣ).

Га́нки — крылья.

Гіршій — худшій.

Гойда́тись — качаться.

Го́ренько (уменьш.) — горе.

Греча́ний — гречневый.

Гу́дина — плети въ зелени огурцовъ,
дынь, арбузовъ, и проч.

Дерка́чь — истертый вѣникъ.

Дѣ́бки (нарѣчіе) — дѣлать первые сла-
бые шаги (о дѣтяхъ).

Дові́датись — освѣдомиться, навѣ-
даться.

Дово́лі — достаточно.

Дого́дувать (хлѣбомъ) — докормить;
призрѣтъ въ старости до самой смерти.

Дозира́тись — присматриваться;
обращать вниманіе.

Доконѣ́че — непременно.

До (о)ста́нку — до конца, до послед-
ней минуты.

Дотина́тъ — досаждать; надоѣлать.

Дрі́бчо́къ — кусокъ соли.

Дужи́й — здоровый, сильный.

Дурни́чка — даромъ, по пустякамъ.

Дя́дина — жена дяди.

Еди́нати — согласить, согласиться,
условиться.

Жениха́тись — ухаживать за дѣвуш-
ками.

Завда́вати — причинять.

Зага́ятись — замѣшкать, замедлить.

Заго́їтъ — залечить.

За́здри́сть — зависть.

Заку́дланий — взъерошенный.

Заку́токъ — закуолюкъ.

Замордоватися — замучиться, выбиться изъ силъ.

Занапасти — затратить, погубить.

Занятися — загорѣться, вспыхнуть.

Запобѣгати — о заботиться, предупредить что-либо заранее принятыми мѣрами.

Заснітити (очи) — заслонить, зату-манить глаза.

Заторочити — заговорить, зату-манить.

Заходѣтьця — начать; засуетиться.

Займатися (на свѣтъ) — свѣтать.

Зблукати — исходить.

Звѣтьця — подняться вверхъ.

Звісточка — вѣсточка.

Звідь — взводъ (снасть надъ коло-деземъ), верхняя перекладина журавля.

Згодомъ — повременивъ, обождавъ.

Зикъ — крикъ; шумъ.

Зінька — Зиновія.

Зірватися — сорваться; быстро под-нятися съ мѣста.

Зкрашати — украшать.

Змалку — съ малыхъ лѣтъ.

Зморитися — утомиться, устать.

Знушатися — издѣваться; наругать-ся; насмѣхаться надъ кѣмъ.

Зодгати — одѣвать.

Зполюшити — встревожить; испугать и поднять съ мѣста (напр., птицу и т. п.).

Зьурочити — слазить.

Избороти — побороть; одолѣть.

Каблѹчка — кольцо.

Карнавка — церковная кружка.

Качаточка — утѣнки.

Качуръ — селезень.

Кирхъ — кулакъ, поставленный пер-пендикулярно; мѣра (вышиною въ ку-лакъ).

Клопотатися — хлопотать; суетиться.

Ключина — срубленное и очищенное отъ вѣтокъ, тонкое длинное дерево.

Колотитися — биться (о сердцахъ); тревожиться.

Колючка — колика (болѣзнь).

Коняця, — чка — конна сѣна.

Коровячий — коровій.

Королѣвъ-цвѣтъ — цвѣтущіе бобы (красный цвѣтъ, *phaseolus multiflorus*, Willd.).

Кришка, — ечка — крошка.

Курити — вздымать пыль.

Личманъ — медальонъ, носимый въ монистѣ, какъ украшеніе.

Лѣки — лекарства; лѣкъ — счетъ.

Лой, лій — топленое сало, изъ ко-

торого приготовляются свѣчи; свѣчное сало.

Лѹска — шелкать.

Любѣстокъ — пахучее растеніе. (*Le- visticum officinale*, Koch.)

Манѣчить — видѣться вдали.

Мерѣжка — сквозное шитье, узоръ.

Мовлять — говорить.

Мошенство — мошенничество.

Мрѣка — сырость въ воздухѣ.

На-всю-губу — въ полной мѣрѣ (напр. панъ на всю губу.)

Навзѣході — на заходѣ (о солнцѣ).

Наволѣкъ — наносная земля?

На-вхрестъ — накрестъ; кресто-образно.

Нагодѣтьця — нечаянно подоспѣть; случиться.

Надрѣювати — надкроивать; вырѣ-зать.

На-насіenne — на сѣмена; на посѣвъ.

Недолѣшокъ — отставшій отъ сво-ихъ и не успѣвшій сдѣлаться Полякомъ.

Нѣкати — ходить изъ угла въ уголъ, заглядывать то сюда, то туда.

Обернѹти — опрокинуть.

Об(б)падати — обступить; окружить.

Огортати — окутать; обернуть.

Одмовлятися — отговариваться.

Одпирати — отталкивать.

Одправа — служба (церковная).

Одрѣбляти — отбывать долгъ ра-ботой.

Одсѹнути — отодвинуть.

Ожеледъ — гололединца.

Озвѣтисъ — откликнуться, отозваться.

Олѣнка — весенній жукъ золотисто-зеленоватого цвѣта. Олѣнка — уменьш. имя отъ Олѣна, Елена.

Опѣвесні — въ весеннюю пору.

Орудовати — управлять; самоуправ-ствовать, употреблять другого какъ орудіе.

Очѹняти — придти въ себя; въ здо-ровое состояніе; встать на ноги послѣ болѣзни.

Ошѣхрати — надуть.

Ошукати — обмануть.

Пѣшити — горѣть пламенемъ.

Переставитися — умереть; presta-виться.

Пернѣчь — одно изъ козачьихъ ору-жій.

Пилъ — пылъ.

Пишатися — гордиться, кичиться.

Підживитися — покрѣпиться, под-крѣпить силы пищею.

Підліток—птичка начинающая летать; **підлітками** называются также дѣти въ отроческомъ возрастѣ.

Пляха—бутыль.

Побратись—повѣчаться.

Поглянути—взглянуть; посмотреть.

Подбивать (гурки)—взрыхлять землю около растенія, очищая его отъ сорныхъ травъ.

По-дѣ-куди—кой-куда.

Покинути—бросить; оставить.

Полінька—большое поле.

Поминітись—намекнуть, проговориться.

Помийниця—кадка, куда сливаютъ помои.

Поми(ья)ну́ть—помянуть.

Посма́гти—стянуть, обсохнуть (отъ жару, о губахъ).

Поспови́evano—наполнено.

Посваритись—погрозить.

Посці́лити—(о растеніи)—вытянуть—прежде времени, безплодно.

По́ручъ—подѣ; рядомъ.

Потовкѣ—побить, потолочь.

Похи́титись—повѣсить голову; задуматься.

Прийснуть—быстро подскочить, броситься.

Пристѣбувать—пристегнуть, при-вѣшивать.

Проморія—повальная болѣзнь.

Причипуритись—красиво одѣться.

Прищуплится—прижаться; прильнуть.

Пустыня—нежилая хата.

Пустова́ти—шалить.

Разо́къ (наместа)—низка наместа.

Рипати—скрипѣть.

Рісочка—маленькая капля воды.

Родина—родство.

Розборонити—разводитъ дерущихся.

Роспорядити—распредѣлить, устроить.

Роспу́ковка—распускающійся цвѣтокъ.

Рості́катися—расходиться; разбѣгаться.

Рухнутись—тронуться съ мѣста.

Ряска—водное растеніе, (съ мелкими круглыми листочками).

Рясні коси́ці—(на вербѣ) обильныя тонкія вѣтви.

Рясно—обильно; густо (о деревь).

Серпа́нокъ—родъ кисей.

Сирова́тка—сыворотка.

Сирачина—сѣрая свита, и кто ходитъ въ ней.

Ска́бка—заноза.

Скры́тись—блестѣть; искриться.

Скү́питись—сойтись; собраться въ одно мѣсто.

Слизько—скользко.

Сліна—слюна.

Спѣ́тись—опереться.

Спиня́ти—удерживать; отговаривать.

Спізна́тись—познакомиться; еблизиться.

Спітка́тись—встрѣтиться; случиться.

Спості́ти—провести время въ постѣ.

Стано́къ (полотна)—цѣльный кусокъ холста.

Стогна́ти—стонать.

Ссать—сосать.

Схи́бнуть—оступиться, промахнуться.

Телѣхнуть—издавать тихій звукъ, произноситъ по-тихоньку слово.

Ти́ць!—(междометіе отъ тикнуть—ткнуть).

То́-що—и тому подобное.

Третячо́къ, — теленокъ которому третій годъ.

Тріска—щетка.

Турбъ—хлопоты; безпокойство.

Уба́чити—увидѣть.

Ублагати—умолять упрашивать.

Увѣ́чері—вечеру.

Угорта́ти—увернуть; запятать.

Уживки—веревки.

Узива́ть—называть.

Укві́ча́ти—убрать цвѣтами.

Хви́ща—ненастье, буря съ дождемъ.

Хро́пті—храпѣть.

Хоря́вий—болѣзненный.

Цу́рка—небольшая палка, посредствомъ которой что-либо скручено.

Чи-що́-что-ли.

Чекати—ждать.

Чорнобривці—бархатцы.

Шкіти́ля́ти—хромать.

Що́сь—что-то.

